

Раздел IV

Речевое функционирование языковых единиц

Лекант Павел Александрович

Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СУБЪЕКТИВНОСТИ И ЭКСПРЕССИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье аргументируется актуальность исследования поэтического языка Лермонтова в аспекте субъективности, эмоциональности, экспрессии; рассматриваются грамматические средства образности: формы глагола, предикатива, синтаксические конструкции.

Ключевые слова: субъективность, модальность, риторическое высказывание, экспрессия, ораторский стиль.

Писать и говорить об образных средствах поэтического языка М. Ю. Лермонтова – это дело очень сложное, очень ответственное; приступаешь к нему, можно сказать с трепетом, тем более что «широкую, ясную дорогу» проложил сам В. В. Виноградов. Его определение стиля М. Лермонтова как **ораторского**, правда, сначала несколько озадачивает, но скоро убеждает и завораживает, особенно благодаря первой же иллюстрации из «Демона»: *Я бич рабов своих земных, Я царь познания и свободы, Я враг небес, я зло природы...* «Лермонтов придает лирическому стилю необыкновенную эмоциональную силу и ораторское напряжение, превращая лирику в патетическую исповедь» [Виноградов 1982: 306]. Далее раскрываются, иллюстрируются и «обостренная сила эмоционального воздействия», и «стремительный поток внушительных образов», и «ясность метафор и сравнений» [Виноградов 1982: 308], отдается должное и эпитетам. Ср.: *К добру и злу **постыдно** равнодушны, В начале поприща мы вянем без борьбы, Перед опасностью **позорно** малодушны, А перед властью **презренные** рабы* (Дума 1838).

Надо сказать, что в различных описаниях образных средств поэтического языка Лермонтова преобладает анализ лексико-семантического материала, что вполне оправданно. «Поэтическая

речь по своему существу многозначна. Поэтому естественное для себя место метафора находит именно в поэтической речи. Ее функция – вызывать образы, представления, а не сообщать информацию [Арутюнова 1999: 367].

Однако грамматическая сторона поэтического языка Лермонтова не может быть оставлена без внимания: во-первых, все «метафорическое» **оформлено**, а во-вторых, – и это самое главное, – грамматические формы глагола и имен обладают у него безмерным запасом образности, субъективности, эмоциональности.

В ряду выразительных средств поэзии Лермонтова глагол занимает одно из ведущих мест. Метафорическая сила глагольного слова пронизывает едва ли не каждое стихотворение: *ночевала тучка золотая; мой слух лелея; пора добраться до картечи; царствует в душе какой-то холод тайный; в нем чувство вдруг заговорило родным когда-то языком; волна на волну набегала... и с плачем безгласное тело спешили они унести* и под.; это относится к любым формам глагольной парадигмы, включая инфинитив, деепричастие и причастие: *утром в путь она пустилась рано, по лазури весело играя; и дремлет качаясь, и снегом пушистым одета; он убит и взят могилой*.

Особое положение принадлежит экспрессии отдельных, специфических, форм глагола.

Во-первых, это так называемое относительное употребление форм **времени**, например, будущего в значении прошедшего («многokrатного»): *Бывало, только ночи сонной Прохлада землю обоймет, Перед божественной иконой Она в безумьи упадет И плачет* (Демон 1841); форм наклонения, например повелительного со значением долженствования: *Пред вами суд и правда – все молчи!..* (На смерть поэта 1837).

Во-вторых, часто употребляемая автором аналитическая форма 3-го лица повелительного наклонения со значением: а) *пожелания*: *Пускай не знает он до срока Ни мук любви, ни славы жадных дум; Пускай глядит он без упрека На ложный блеск и ложный мира шум ...* (Ребенка милого рожденье... 1839); *Но сердца тихого моленье Да отнесут твои скалы В надзвездный край ...* («Спеша на север издалека»... 1837); б) *согласия*: *Пускай толпа растопчет мой венец, Венец певца, венец терновый!.. Пускай! я им не дорожил* («Не смейся над моей пророческой тоскою...» 1837); в) *разрешения*: *Скорей судей молчаньем я принужу К решению... Пусть суд их будет строг! Пусть журналист всеведущий хлопочет, Зачем тот плачет, а другой хохочет!..* (Сашка 1839).

В-третьих, употребление форм независимого инфинитива с частицами, в первую очередь с *бы*, которые придают действию определенные оттенки. Например: *А месяц и романы до добра Не доведут, – от них мечты родятся. А искушенью только бы добратья!* (Сашка 1839) – предрасположенность, пристрастие.

В-четвертых, безличные формы на *-ся* со значением полного погружения в состояние. Например: *С души как бремя скатится, Сомненье далеко – и верится, и плачется, И так легко, легко...* (Молитва 1839).

В поэтическом языке Лермонтова воля автора не только определяет выбор образных средств, но и проявляется в позиции, в отношении, в оценке изображаемого, то есть *в модальности*. Модальность, по В. В. Виноградову, обозначает «специфическое качество отношения к действительности – со стороны говорящего лица» [Виноградов 1975: 269]. «Говорящим лицом» обычно выступает сам автор; например: *И как-то весело и больно Тревожить язвы старых ран* (Журналист, читатель и писатель 1840); *Пора, пора намешкам света Прогнать спокойствия туман ... («Я жить хочу...» 1832); Любить... но кого же?... на время – не стоит труда, А вечно любить невозможно* (И скучно и грустно 1840); но он может передать это право персонажу; например: *О, я как брат обняться с бурей был бы рад* (Мцыри 1840); [Арбенин] *И тяжело стало мне, и скучно жить* (Маскарад 1835); *Я говорил тебе: ни счастья, ни славы Мне в мире не найти* («Не смейся над моей пророческой тоскою» 1837); *Увы! минувших лет безумный сон Со смехом повторить не смеет он* (Сашка 1839) – здесь междометие *увы!* – со значением сожаления, разочарования – заключает, отчасти, и авторское отношение.

Модальность авторской позиции (или «поручаемой» персонажу!) обозначается в поэтическом тексте Лермонтова вполне определенными средствами: а) формой инфинитивного предложения; б) модальным предикатом, включающим инфинитив, вспомогательный глагол и другие формы с модальным значением; в) риторическими высказываниями. Следует назвать и междометия, подчеркивающие или усиливающие модальное значение, которые, однако, Лермонтов употребляет очень редко; это *увы!* и *о!*

А. Инфинитивные предложения с частицей *не* выражают *невозможность* действия. Например: *Вам не видать таких сражений!..* (Бородино 1837); *Замолкли звуки чудных песен, Не разливать-ся им опять* (Смерть поэта 1837); *Немало в Грузии невест; А мне не*

быть ничьей женою!.. (Демон, 1841); *Моя ж печаль бессменно тут, И ей конца, как мне, не будет; И не вздремнуть в могиле ей...* (Демон 1841); – *Что стоят ваши эпoletы? – Я с честью их достал, – и вам их не купить* (Маскарад 1835); *Не дожидаться мне, видно, свободы...* (Соседка 1840); *Но, зная прелестей твоих лишь половину, Как остальных не пожелать* (Маскарад 1835) – в последнем случае частица *как не* выражает категорическое утверждение и передает модальность *долженствования*. «Отрицание *не* в русском языке может сочетаться с яркими красками субъективной экспрессии» [Виноградов 1947: 673].

Инфинитивные предложения с частицей *бы* имеют значение *желательности*. Например: *Лишь выиграть бы там, – а здесь пусть проиграю!..* (Маскарад 1835).

Б. В состав модального предиката входит полнозначный инфинитив и его модальный «партнер» – форма спрягаемого вспомогательного глагола или именной модальный компонент со связкой. Например: *Ты жил, старик! Тебе есть в мире что забыть. Ты жил, – я также мог бы жить* (Мцыри 1839); *Я был готов на смерть и муку И целый мир на битву звать...* (К* «Я не унижусь пред тобою...»); *И если как-нибудь на миг удастся мне Забыться, – памятью к недавней старине Лечу я вольной, вольной птицей...* (1-е января 1840); *Все лучше перед кем-нибудь Словами облегчить мне грудь* (Мцыри 1839); *Он слов коварных искушенья Найти в уме своем не мог... Забыть? – забвенья не дал бог; Да он и не взял бы забвенья!..* (Демон 1841); *Как страшно жизни сей оковы Нам в одиночестве влачить* (Одиночество 1830); *Не унижай себя. Стыдися торговать То гневом, то тоской послушной...* (Не верь себе 1839); *О, полно извинять разврат!* (К*** 1831).

Выражение модальных значений возможности, долженствования, намерения в форме личного или безличного предложения свободно и разнообразно, и сами значения включают разные оттенки – назидание, осуждение и пр.

В. *Риторические высказывания*, имеющие условно вопросительную форму, передают, в основном, те же модальные, оценочные и модально-эмоциональные значения, что показаны выше. Но риторическая форма сообщает им оттенки сожаления, раздумья, лиризма, страстности и пр. «Риторические высказывания являются одним из самых продуктивных средств выражения разнообразных модальных и эмоциональных значений на синтаксическом уровне» [Канафьева 2011: 11]. Например: *Я здесь был рожден, но нездеиный душой... О, зачем я не ворон степной?..* (Желание 1831); *А душу можно ль рас-*

сказать? (Мцыри 1840); *Что толку жить! Без приключений И с приключеньями – тоска Везде* («Что толку жить...» 1832); *Увы, твой страх, твои моления – Зачем они?* (Любовь мертвеца 1841); *Возможно ли! меня продать! – Меня – за поцелуй глупца... Мне изменить? мне?..* (Маскарад 1835); *О, Зара, Зара! краткою мечтою Ты дорожила; где ж твоя мечта? Как очи полны, как душа пуста!* (Измаил-бей 1832). «Ораторский пафос сочетается, а иногда чередуется с плавностью ритмико-интонационного движения стиха» [Шмелев 1964: 10].

Наряду с глагольными формами, конструкциями в систему образных средств поэтического языка Лермонтова входят формы предикатива.

Предикатив, в нашей трактовке [Лекант 2011: 8–11], – это гибридная аналитическая часть речи, которая совмещает категориальные признаки глагола (время, наклонение, лицо), оформляемые связкой, и имени прилагательного (род, число); категория лица включает *безличность* – в форме связки и в семантике состояния (природы, среды, человека). Например: *Душа моя мрачна <...> Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец, Мне тягостны веселья звуки* (Еврейская мелодия 1836); *Я жду с тоской бесплодною, Мне грустно, тяжело ...* (Свиданье 1841); *Безмолвна трапеза была* (Боярин Орша 1835).

Не вдаваясь в детали описания предикатива, подчеркнем наличие **нулевой формы** связки *быть* в значении настоящего времени; форма предикатива имеет потенциал расширенного времени, оттенок постоянства «качественного состояния» [Виноградов 1947: 263]. Например: *Как наши юноши, он молод, И хладен блеск его очей* (Измаил-бей 1832); *Опасен, узок путь прибрежный!* (Демон 1840). При употреблении лексических форм связки (*буду, будешь, будет* и т. д.; *был* и т. д., а также безличных *будет, было*) значение времени предикатива соотносится с формами глагола. Например: *Да, я не изменюсь и буду тверд душой, Как ты, как ты, мой друг железный* (Кинжал 1838).

Связка *быть* может быть замещена фазисной связкой *стать*, которая не только выражает предикативные формальные значения наклонения, времени, лица (как бы замещает формы *быть* и т. д.), но и указывает на возникновение или изменение состояния. Например: *Я осмотрелся; не таю: Мне стало страшно...* (Мцыри 1839); *Душно под новой броней мне стало* (Пленный рыцарь 1840).

Предикативы занимают в языке М. Ю. Лермонтова достойное, яркое место – во всем их блеске и разнообразии. Надо сказать, что принятое в грамматических описаниях семантическое деление предикативов [Виноградов 1947: 408–416]; [Лекант 2011: 10–12] – состояние природы, состояние среды, состояние человека; оценка, модальность – весьма условно в отношении к поэтическому языку Лермонтова. Во всех контекстах так или иначе проявляется *отношение к человеку*. Например: *Туманно в поле и темно...* (Боярин Орша 1835); *Все снова тихо и темно* (Боярин Орша 1835) – а человек не спит, в тревоге. *В небесах торжественно и чудно!* («Выхожу один я на дорогу» 1841) – что это – состояние природы? человека? И то, и другое – неотделимо, неразрывно; главное – отношение самого поэта! Будем иметь это в виду, рассматривая семантику предикатива далее.

А. Физическое состояние человека, внешний вид. Например: *Он был, казалось, лет шести; Как серна гор, пуглив и дик И слаб и гибок, как тростник* (Мцыри 1839); *Тот царь был слаб, и хил, и стар* (Боярин Орша 1835); ... *Суров И холоден был вид лица Того святого чернеца* (Боярин Орша 1835); *Но видно все, что он черкес! Густые брови, взгляд орлиный, Ресницы длинные и черны* (Измаил-бей 1832); *Прозрачны и сини, Как небо тех стран, ее глазки ...* («На светские цепи...» 1840).

Б. Состояние души, настроение. Например: *Гусар! Ты весел и беспечен, Надев свой красный доломан. Но знай: покой души не вечен* (Гусар 1832); *С тех пор как длится жизнь моя, Два раза был свободен я...* (Боярин Орша 1835); *Замолкнет он – ей вновь досадно, Сама не знает почему* (Измаил-бей 1832); *И стало сладко и светло Его душе...* (Беглец 1838).

В. Оценка, отношение. Например: *То истиной дышит в ней все, То все в ней притворно и ложно!* (К портрету 1840); *Есть речи – значенье Темно иль ничтожно* («Есть речи...» 1840); *Герой известен, и не нов предмет; Тем лучше! Устарело все, что ново* (Сказка для детей 1840); *Безумны были эти лета!* (Моряк 1832); *Мила черкесу тишина, Мила родная сторона...* (Измаил-бей 1832).

Наш обзор показывает, что Лермонтов в полной мере использовал экспрессивный запас и семантики предикатива, и его формы.

Во-первых, обращает на себя внимание преобладание форм настоящего времени: вот он, предмет описания, он перед вами, читатель!

Во-вторых, однородность, повтор, усиливаемые и дифференцируемые союзами *и, или, то*, расширяют образность стиха и подчеркивают его ритмику.

Эти «детали», конечно, принадлежат ораторскому стилю поэзии М. Ю. Лермонтова.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 895 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.–Л., Учпедгиз, 1947. 784 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М., Высшая школа, 1982. 529 с.
4. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. С. 254–294.
5. Канафьева А. В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции: Монография. – М., 2011. 196 с.
6. Лекант П. А. Образные средства экспрессии и эмоциональности в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» / Вестник МГОУ. Серия Русская филология. 2013. № 6. С. 24–27.
7. Лекант П. А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке / Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Коллективная монография. – М., МГОУ, 2011. С. 4–13.
8. Шмелев Д. Н. О поэтическом языке Лермонтова // Русский язык в национальной школе. 1964. № 6. С. 6–12.

Батырева Лариса Петровна

Шуйский филиал Ивановского государственного университета
г. Шуя, Россия
batlarisa@mail.ru

РОЛЬ MORFOЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ЗАУДАРНОГО ЯКАНЬЯ В СРЕДНЕРУССКИХ ОКАЮЩИХ ГОВОРАХ (на материале частной переписки середины XX в. Шуйского крестьянина Н. Г. Ковалькова)

Анализ материалов частной переписки середины XX в. свидетельствует о значимой роли морфологического фактора в развитии заударного яканья в среднерусских окающих говорах.

Ключевые слова: диалектология, естественная письменная речь, орфография, фонетика, неполное оканье, яканье.

В результате анализа орфографии текстов XV–XVIII вв. исследователи пришли к заключению, что в акающих говорах «в основах слов в тех положениях, которые не затрагивают парадигм словоизменения, редукция фонемы <a> и фонемы <e> после мягких идет по схеме <a> > <e> > <i>, но в окончаниях и некоторых суффиксах, так или иначе связанных с формообразованием, редукция побеждает лишь в наиболее благоприятных для ее развития условиях – прежде всего в позиции между мягкими согласными. В остальных случаях развитие форм склонения определяется аналогией с твердой разновидностью, так что фонема <a> не только не замещается фонемой <e> и далее <i>, но и появляется на месте исторической <e>, если в соответствующем окончании твердой разновидности имеем <a> (под ударением – <a> или <o>))» [Осипов и др. 1992: 38].

Этот вывод справедлив и для говоров с неполным оканьем: тексты середины XX в. отражают обозначенную закономерность. Проиллюстрируем это на примере писем 1941–1943 гг. жителя д. Чащево Шуйского района Ивановской области Н. Г. Ковалькова.

Орфография Н. Г. Ковалькова характеризуется слитным написанием предлогов, союзов, частиц, отдельным написанием приставок. Он не употребляет букву э (*ето, поэтому* и др.¹); букву е (*еще и ещо, растет, вдвоем, пришел* и т. п.); твердый знак (*вобьятия*); мягкий знак в форме 2-ого лица ед. ч. глаголов (*напишеш, илеш, поплачеш* и т. д.), в позиции между согласным и гласным (*настроены, здоровя*), в словах *усадба, судба, детми*. Несформированность орфографических навыков способствует отражению различных изменений в группах согласных: ассимиляции (*женьщина, коньячаю, бутто, поткупи, зделана, с рассуткам, исскотины, ретко, ковту, всповни*), диссимиляции (*нашто, штоты*), диерезы (*споминаю, празник, позно, поразь* (порознь), *меснась, сонце, лиска* (листка) и гиперизма (*адрест*), оглушения (*как нибуть, людоет, подрят*); отмечается расподобление гласных (*милаю семейку, с милами детками, новаю ковту, колхозною картошку, советаю*).

В письмах довольно широко представлены языковые черты Владимирско-Поволжской группы говоров и северо-восточной диалектной зоны, а именно: неполное оканье (*успехав, нада, посылачку*,

---

¹ Примеры даются курсивом в авторской орфографии.

новаго, и(з) далекава края, лишинева, подавлены работай, непадалеко, гаварю, фармировать и др.), стяженные формы (*нечего не поделаши, думам* (думаем), *мужа свово*), специфическое склонение слова *дедушко* (*про дедушка Василя*), форма творительного падежа мн. ч. с окончанием *-ими* (*сосколкими*), постпозитивные частицы (*оне навидат хорошие*), форма сравнительной степени *скоре* вместо *скорее*, местоимение *оне* и др. [Захарова, Орлова 1970: 154–159; 91–94]. Используются лексические диалектизмы, отмеченные в СРНГ как принадлежность говоров Ивановской обл.: *брательник* ‘брат’, *женка* ‘замужняя женщина’, *куженька* ‘ватрушка’, *насниться* ‘присниться’, *скучиться* ‘соскучиться, затосковать’ и др.

В речи Н. Г. Ковалькова наблюдается заударное яканье. В формах местоименного склонения (*лишний стакан сметаны, последний десяток яиц и в вашей жизни, нашей Области, с нашей стороны, урожай должен быть хорошей*) произношение [а] после мягких и шипящих, можно полагать, результат влияния аналогичных форм с твердой основой, где произношение [а] и, следовательно, написание *А* вместо *О* отражает неполное оканье (ср.: *отдыхать конечно невмирной обстановке мало приходится, адрес старай, в вашей семейной жизни, сердечной привет, сосвоей милай женкай, любай женке пишу письмецо, и отлюбай женки жду также снетерпеньем письмеца, клюбай женке домой приехать или кпостылай, Тятя пьянай, Милинькай Юрик, ты Шуйскай я говорю да ая говорит Колочковскай волкав Колька после Натальи Волковай сын, он тоже был раненай, сердечной привет, сегодня день очень хороший краснай и теплай, прошлай год, зеленой лужок, братчик Миша попал Наеатат труднай фронт и опаснай, Добрай день и т. п.).*

То же – в окончаниях существительных. С одной стороны – *ехал с товарищам, жалко того что не получаю от тебя писям, с другой стороны – с рассуткам живеши, алетам совсем некогда, особенно с малиньким ребенкам, боремся с кровавым врагом поразитам которай это все на делал, поездам (поездом), поздравляю с праздникам, (может) вражеская пуля и сразить на поле боя иль осколкам.*

Аналогичное взаимодействие твердой и мягкой разновидностей склонения наблюдается в суффиксах существительных после *Ч* (*я бы сейчас судовольствием поел ваших картошечак*) и после *Ш* (*картошак, картошачку береги*), в то время как после твердых – *сутак, я тебя идетак не видал, десятак яиц, теперьбы сумачку сухариков.*

Когда такого рода морфологическое влияние отсутствует, в заударном слоге после мягкого произносится гласный [и] или [е]: между мягкими согласными – *времичко, милинькие, вспоминаетили*; перед Ц – *двенадцеть, двадцеть*; перед твердым – *песинка, вдальнейцим*.

Итак, редуция заударного гласного после твердого согласного (неполное оканье) вызывает изменение гласного после мягкого, а далее [‘а] начинает произноситься там, где влияния твердой разновидности не было, например, в окончаниях глагольных форм – *едяи железной дороге и видиши сколь едят народу, скоро приедят другая смена, поедям поездам, може кто нибуть вдеревню приедят фотографировать, поедям нафронт, мама ищят отца, пропишам в письме* и т. п., иначе говоря, происходит отрыв фонетического явления от морфологических условий. Хотя и в глагольных формах можно обнаружить факт морфологического давления, но оно приводит к произношению [и] вместо [е]. Например, в форме 3-го лица ед. ч. глагола *прописать* – *пропишит* – появление [и] поддержано аналогичными формами глаголов II спряжения (*прилетит, неприбежит, случится, горит, родится, случится, сидит, говорит, стоит, болит*), а также, возможно, формой повелительного наклонения этого глагола – *пропишите мне*.

Представленный фактический материал приводит, таким образом, к мысли о значимой роли морфологического фактора в произношении безударного гласного в позиции после мягкого согласного, и в частности, в развитии заударного яканья в среднерусских окаяющих говорах.

Литература

1. *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. – М., 1970.
2. *Осипов Б. И., Батырева Л. П., Сухоцкая Е. Б.* Взаимодействие фонетических и морфологических факторов в развитии падежных форм в русских окаяющих говорах XV–XVIII вв. // *Фонетика и письмо в их развитии*: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Б. И. Осипова. – Омск: Омск ун-т, 1992. С. 30–39.
3. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–24 / гл. ред. Ф. П. Филин / ред. Ф. П. Сорокалетов. – М.; Л.: Наука, 1995–1989; Вып. 25–43 / гл. ред. Ф. П. Сорокалетов. – СПб., 1990–2010 (СРНГ).

Белозерова Александра Владимировна

Ивановский государственный университет

г. Иваново, Россия

belozerova.alexandra@gmail.com

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНИЦИАТОРА КОНФЛИКТА В НЕКООПЕРАТИВНОМ ОБЩЕНИИ (на материале англоязычных художественных произведений)

Статья посвящена коммуникативно-прагматическому анализу отрезков текста, фиксирующих поведение инициатора конфликта в некооперативном общении. Особое внимание уделено лексическим особенностям коммуникативного поведения инициатора конфликта. Речь инициатора конфликта анализируется одновременно с его невербальным поведением.

Ключевые слова: некооперативное общение, инициатор конфликта, невербальная коммуникация, лексика, прагмалингвистика.

Социальное взаимодействие между людьми (т. е. общение) подразделяется на кооперативное и некооперативное. Ученые, разрабатывавшие кооперативное направление лингвистики (Х. П. Грайс, Дж. Лич и др.), склонные рассматривать коммуникацию с точки зрения соблюдения определенных правил и принципов (вежливость, эффективность, кооперативность). Конфликт же «обнаруживается, прежде всего, там, где взаимодействие людей, их контакты зачастую порождают столкновения, вызванные противоречиями целей, взглядов, интересов, точек зрения двух сторон и носящие конфликтный характер» [Третьякова 2000], т. е. вышеуказанные принципы не соблюдаются, общение становится некооперативным. Любой языко-речевой конфликт включен в более сложную ситуацию, образуемую бытовым, национально-ментальным, социальным, психологическим, моральным параметрами [Голев 2010].

В связи с задачей описания коммуникативной ситуации в лингвистике выдвигается понятие сложного коммуникативного целого (СКЦ), под которым понимается отрезок текста, фиксирующий последовательность коммуникативных актов, состоящих из вербальных и невербальных компонентов, совокупность которых продвигает общающихся к достижению консенсуса [Карташкова 2009: 125]. Используя коммуникативный подход, мы рассмотрим отрезки тек-

стов, которые фиксируют ситуацию конфликтного общения в динамике – обмен репликами, применение коммуникативных тактик и стратегий, изменение эмоционального состояния собеседников. Особое внимание будет сконцентрировано на инициаторе конфликта как на коммуникативном элементе, благодаря которому начинается некооперативная интеракция.

Анализ СКЦ, фиксирующих некооперативное общение, будет представлен нами как последовательное рассмотрение коммуникативных ходов инициатора конфликта, специфики его лексики, а также невербальных компонентов коммуникации (НВК).

(1) She looked like an ageing vampire – still strikingly beautiful but as venomous as a snake. Isabella Vanger was apparently on her way home after taking a walk. She called to him from the crossroad.

“Hello there, young man. Come here.”

The commanding tone was hard to mistake. Blomkvist looked around and concluded that he was the one summoned. He did as instructed.

“I am Isabella Vanger,” the woman said.

“Hello. My name is Mikael Blomkvist.” He stuck out his hand, which she ignored.

“Are you that person who’s been snooping around in our family affairs?”

“Well, if you mean am I the person that Henrik Vanger has put under contract to help him with his book about the Vanger family, then yes.”

“That’s none of your business.”

“Which? The fact that Henrik Vanger offered me a contract or the fact that I accepted?”

“You know perfectly well what I mean. I don’t care for people poking around in my life.”

“I won’t poke around in your life. The rest you’ll have to discuss with Henrik.”

Isabella raised her cane and pressed the handle against Mikael’s chest. She did not use much force, but he took a step back in surprise.

“Just you keep away from me,” she said, and turned on her heel and walked unsteadily towards her house. [SL: 115]

В данной ситуации некооперативного общения инициатором конфликта выступает женщина. Еще до начала коммуникации она имеет предвзятое отношение к адресату и не намерена идти на контакт. Это выражается в вербальной составляющей их общения. Разговор коммуникантов начинается с приветствия, в котором женщина подзывает к себе собеседника: «Hello there, young man. Come here». Приветствие – это, по сути, начало самой коммуникации, посредством него мы вступаем в контакт с другим человеком и можем про-

демонстрировать свое отношение к тому, кого приветствуем. Это важнейший шаг в установлении кооперативного тона взаимодействия между субъектами. Многие факторы позволяют нам говорить о том, что женщина изначально планировала начать ссору. Для приветствия использовано нейтрально окрашенное слово *Hello*, но произнесено оно снисходительным тоном. Несмотря на то, что женщина – инициатор конфликта прекрасно знает имя собеседника, она обращается к нему как *young man*, что говорит не о забывчивости, а, скорее, о пренебрежении.

Вербальный компонент в сочетании с фонационным НВК, выраженным адъективно-именным словосочетанием *commanding tone*, не оставляет сомнений в том, что коммуникант-женщина относится к собеседнику свысока (*commanding – dominating, as by magnitude or position* [CDT: 159]) и ее стремление начать ссору является намеренным. Словосочетание с ядерным компонентом *TONE* дополняет глагол *to instruct* (*to direct or command* [CDT: 437]) в предложении «*He did as instructed*». Таким образом, автор косвенно сообщает о манере речи коммуниканта-инициатора конфликта. То, что адресат подчинился, может указывать на степень властности тона голоса говорящего. В своей речи женщина использует фразовые глаголы с одинаково отрицательным коннотативным значением «*to search about; look into and under things*» (*to poke around, to snoop around* – высматривать, вынюхивать), принадлежащие к слэнговым выражениям, что так же может указывать на пренебрежительное отношение к собеседнику.

Важнейшим пунктом в анализе этой некооперативной ситуации является описание отсутствия невербального жеста, а именно – рукопожатия. Цель рукопожатия – в демонстрации благонамеренности и доброй воли. Рукопожатие – этикетная церемония, обмен жестами. Желая пойти на контакт и установить доброжелательную атмосферу общения, коммуникант-мужчина протягивает руку для рукопожатия, однако его жест остался без ответа – *which she ignored* («*to refuse to pay attention to; disregard*» [CDT: 416]). Неудача собеседника также стала неудачей в установлении кооперативного хода беседы. Невербальные действия инициатора конфликта представлены манипуляцией с тростью. Женщина направляет на собеседника трость и с силой прижимает ее к груди адресата, чтобы указать ему на его место – *raised her cane and pressed the handle against Mikael's chest*. Глагол *to press* имеет закрепленное в своем значении понятие силы и давления (*to exert weight or force against, to act upon with*

force or weight [WD: <http://www.wordnik.com/words/press>]). Это эмоционально окрашенный глагол, подразумевающий активное, «нападающее» действие. Это подтверждается следующим предложением: *She did not use much force, but he took a step back in surprise*. Несмотря на то, что инициатор конфликта не намеревалась физически унижить собеседника, ударить или ранить его, само действие имеет высокий уровень экспрессивности и говорит открыто о чувствах деятеля. В данной ситуации это презрение, снисхождение и неуважение.

Ссора заканчивает тогда, когда инициатор конфликта прерывает общение и контакт с адресатом – *turned on her heel and walked unsteadily towards her house*. Пантомимический НБК (увеличение дистанции между собеседниками) выражен идиоматическим выражением *to turn on one's heels*, которое означает «suddenly turn away from someone or something in order to depart rapidly, especially as expressive of haughtiness [DC: <http://dictionary.reference.com/browse/turn+on+one's+heel>]). Намерение увеличить коммуникативную дистанцию подтверждается повелительным наклоном в речи инициатора конфликта: *keep away from me to prevent from coming close, to maintain distance* [WD: <http://www.wordnik.com/words/keep%20away>]). Все это в комплексе можно расценивать как предупреждение или даже угрозу.

Вербальная и невербальная сторона речи инициатора совпадают по своим целям – установить определенную дистанцию, выразить презрение и пренебрежение.

(2) “What the hell was that all about?” Blomkvist said as soon as Berger pulled the front door shut.”

“I think it’s what you call advance probes for a business deal,” she said. “You didn’t tell me that Henrik Vanger is such a sweetie.”

Blomkvist planted himself in front of her.

“Ricky, you knew exactly what this conversation was going to be about.”

“Hey, toy boy. It’s only 3:00, and I want to be properly entertained before dinner.”

Blomkvist was enraged. But he had never managed to be enraged at Erika Berger for very long. [SL: 27]

Данную ситуацию можно определить как некооперативную, так как дано четкое описание эмоционального состояния коммуниканта, проявляющего агрессию – *was enraged (angered, made furious, made full of rage* [WD: <http://www.wordnik.com/words/enraged>]). Под влиянием отрицательной эмоции гнева экспрессивность говорящего

одновременно направлена на собеседника и на предмет разговора. Пренебрежительное обращение (*toy boy* – a young man pleasurable to the eye that you have as a 'toy' with no intention of a serious relationship [UD: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Toy+Boy>]) усилило отрицательное эмоциональное состояние героя.

Кроме авторского комментария, эмоциональное состояние героя (гнев) показывает обценная лексика в речи инициатора конфликта – *What the hell was that all about?* Устойчивое словосочетание *what the hell* имеет значение негодования.

Находясь в гневе, герой, желая расправиться с обидчицей, меняет свое положение, сближаясь с ней – *planted himself in front of her*. Глагол *to plant* имеет значение «to place or set something firmly [CDT: 216]», где наречие *firmly* (решительно) указывает на стремление.

Итог ссоры показывает, что инициатор конфликта справился с гневом – *he had never managed to be enraged at Erika Berger for very long*.

Таким образом, анализ СКЦ, фиксирующих конфликтную ситуацию, строится на последовательном рассмотрении вербального и невербального поведения инициатора конфликта и их корреляции. Речь инициатора конфликта может быть усилена его невербальным поведением (невербальными жестами и действиями, имеющими схожую семантику с речевым компонентом).

Во внимание стоит принимать не только вербальную и невербальную составляющую беседы, но и реагирующее поведение адресата, как модификатора направления некооперативного взаимодействия. Поведение адресата может влиять на течение некооперативного общения, вплоть до превращения его в кооперативное.

Литература

1. *Голев Н. Д.* Речевой жанр ссоры и инвективные сценарии в рассказах В. М. Шукшина. – Барнаул, Кемерово, 2010. URL: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-9>
2. *Карташкова Ф. И.* Сложное коммуникативное целое в художественном тексте // Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. – Саранск, 2009.
3. *Третьякова В. С.* Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. С. 127–140. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/tretyakova-00.htm>

Источники

1. Larsson S. The Girl with the Dragon Tattoo. – Stockholm, 2008. 480 p. – SL
2. Collins Dictionary&Thesaurus. Glasgow, 2005. 1078 p. – CDT
3. Dictionary.com <http://dictionary.reference.com/> – DC
4. Urban Dictionary <http://www.urbandictionary.com/> – UD
5. Wordnik <http://www.wordnik.com/> – WD

Волкова Тамара Николаевна

Шуйский филиал Ивановского государственного университета
г. Шуя, Россия

РОЛЬ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ОБРАМЛЕНИИ ТЕКСТОВ РУССКИХ РОМАНСОВ

В статье рассмотрены морфологические средства создания образности и реализации эстетической функции языка на материале русских бытовых романсов.

Ключевые слова: роль частей речи, эстетическая функция языка, русский романс.

Поэтические страницы русской лирики отличаются душевной чистотой и красотой. К их числу можно отнести романсы. Как и другие поэтические тексты, романсы являются показательным примером демонстрации эстетической функции языка [Якобсон 1975]. В тексте романса встречаются характерные образы-символы. В тексте романа отражаются настоящие чувства, которые могут быть переданы различными способами: через лирические или сатирические ноты, неспешность повествования и пр. В романсе отражаются разные стороны жизни, а также отношение автора, лирического героя к происходящим событиям.

Нами проанализировано свыше 200 текстов русских бытовых романсов с точки зрения частеречного разнообразия и выявлены следующие особенности употребления частей речи: многократное использование личных местоимений; обилие слов не только в прямом, но и в переносном значении (абстрактных имен существительных, прилагательных, участвующих в формировании поэтических образов, а также глаголов); употребление глаголов в форме повели-

тельного наклонения; наличие эмоционально окрашенных слов в функции обращений, выраженных именами существительными и именами прилагательными в значении существительных.

Рассмотрим более подробно языковые особенности текстов русских романсов, чтобы установить роль той или иной части речи в реализации авторского замысла. Одна из особенностей текста романса – многократное использование личных местоимений «я», «вы», которые несут большую эстетическую нагрузку. Смысловая насыщенность лексем формируется за счет употребления окказиональных эмоционально-оценочных значений, способствующих раскрытию внутреннего мира лирического героя, дающих информацию о его мировосприятии, системе ценностей. Это отражено в тексте романса:

***Вы** огонь, **вы** пламя страсти, **вы** магическая власть,
Вы любовь, **вы** сладострастье, **вы** блаженство, **вы** напасть.*

(А. Тимофеев “Ясны очи, черны очи”)

*Уж **я** не верю увереньям, уж **я** не верую в любовь*

И не могу предаться вновь раз изменившим сновидениям

(Е. Баратынский “Разуверение”)

***Я** плачу, **я** стражду, душа истомилась в разлуке,*

***Я** стражду, **я** плачу, не выплакать горе в слезах*

(Н. Кукольник “Сомнение”)

Другая особенность текстов русских романсов связана с использованием имен существительных, прилагательных, а также глаголов в прямом и переносном значениях. Цель использования тех или иных лексем может быть различной. Некоторые существительные участвуют в формировании такого понятия, как «память души». Рассмотрим пример:

*Медленно кружатся **листья** осенние, **ветер** в окошко стучит... **Память** о тех счастливых **мгновениях** душу мою берedit. (А. Пугачев).*

В тексте романса очень ярко выражены просьба о памяти большого прекрасного чувства или мук разочарования, отвергнутого сердца, просьба о прощении, а также желание все забыть, но все же помнить.

Большую эмоциональную нагрузку несут в тексте романса абстрактные имена существительные, обозначающие чувства (любовь, робость, ревность, нежность, тоска, волнение, вдохновение и т.д.).

Обратимся к словосочетанию «сердце» в текстах русских романсов, которое в русской поэзии является символом влюбленности. Сердце в данном случае изображается как живое существо:

*Сердце будто проснулось пугливо,
Пережитого стало мне жаль,
Пусть же кони с распущенной гривой
С бубенцами умчат меня вдаль.*

(А. Кусиков «Бубенцы»)

Сердце забило тревогу, разбилось, проснулось, разгорелось; сердце цветет, бьется, роняет ласку, ноет, не дремлет. Сердце способно вмещать разные чувства: печаль, тоскливую тревогу, любовь; все оживает в сердце: память, мечты, звезды, чувства томления, муки, тоски.

В тексте романа с помощью имен прилагательных раскрываются качества сердца: *холодное, больное, бедное, одинокое, безнадежное*; сердце является также объектом, который участвует в осуществлении действия (*поняла сердцем, сердцем скорблю, спасибо сердцем, сердцем ожил*), и объектом, над которым осуществляется действие (*не зажгли сердце, печаль затмила сердце*).

«Слово в поэтическом тексте непредсказуемо: переключаясь и взаимодействуя с другими словами, оно играет множеством смыслов» [Мишатина 2010: 492]. Необыкновенно поэтичен, проникнут высоким чувством любви образ сердца в романсе П. Германа «Только раз», где глагол *роняет* используется в переносном значении, которое формируется в тексте благодаря опорному слову-стимулу *сердце*:

*День и ночь **роняет сердце** ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова...*

Широкий спектр чувств и переживаний лирического героя помогают передать в тексте романса эпитеты, выраженные именами прилагательными.

*Я помню вальса звук **прелестный** весенней ночью в поздний час, его пел голос неизвестный, и песня **чудная** лилась. (Н. Листов) Ночи **безумные**, ночи бессонные, речи несвязные, взоры **усталые** (А. Апухтин). В тихий час **упоительной** встречи только месяц в окошко сверкал, полон страсти, я **дивные** плечи без конца целовал, целовал (П. Баторин). Только вечер затеплится синий, только звезды зажгут небес, и черемух **сиреневый** иней уберет жемчугами роса. Отвори потихоньку калитку и войди в **дивный** сад ты как тень (А. Обухов).*

Одна из основных задач автора романа – раскрыть глубину чувств лирического героя, которые всегда овеваны печалью расставания или разочарования. С этой целью часто используются имена су-

ществительные, имена прилагательные, глаголы в переносном значении. Особенно ярко это выражено, например, в тексте романса «Мы вышли в сад», который изобилует олицетворениями:

*Мы вышли в сад, чуть слышно трепетали
Последние листы на липовых ветвях,
И вечер голубой, исполненный печали,
Бледнея, догорал в задумчивых лучах...*

*И плакали кругом печальные березы,
Вставала за горой туманная луна...
Мы молча шли... и накопили слезы
И дивной нежности душа была полна.*
(А.Голстая)

Глубина переживания лирического героя подчеркивается другой особенностью текстов – использованием глаголов в форме повелительного наклонения, которые значительно усиливают действенность речи и значимость просьбы:

Не искушай меня без нужды *возвратом нежности твоей*. (Е. Баратынский “Разуверение”). Милый друг, нежный друг, *помни ты обо мне* (М. Языков “Ночь светла”). *Не пробуждай, не возвращай, не возвращай* (Д. Давыдов “Романс”). Моя душечка, моя ласточка, взор суровой свой *прогони*. Иль не видишь ты, как измучен я?! *Пожалей* меня, *не гони!* (А. Дюбюк “Не лукавьте”). *Обойми, поцелуй, приголубь, приласкай*, Еще раз поскорей *поцелуй* горячей. Что печально глядишь? Что на сердце таишь? *Не тоскуй, не горюй*, из очей слез *не лей* (А. Кольцов).

Императив в данных примерах передает комплекс значений: просьбу о снисхождении, милости по отношению к лирическому герою (*не искушай, пожалей, не гони*), призыв к освобождению его от душевных мук (*не пробуждай моих безумств, мимолетных свиданий не возвращай*), требование внимания и ласки (*обойми, поцелуй, приголубь, приласкай*).

В текстах романсов широко используются эмоционально окрашенные слова-обращения, выраженные именами существительными с уменьшительно-ласкательными суффиксами и именами прилагательными в значении существительных. В современной лингвистике обращение рассматривается как лексическая единица, которая служит целям «языковой номинации» [Арутюнова 1977]. Используемые в русских романсах обращения не только называют героев, но и подчеркивают их нежное отношение друг к другу:

Не уезжай ты, мой голубчик! (Н. Пашков) Милый друг, нежный друг, по тебе я грущу. (Н. Языков) Ты смеешься, дорогая, ты смеешься, ангел мой. (Я. Ядова) Моя душечка, моя ласточка, взор суровый свой прогони. (А. Дюбюк) Говорил он: "Прощай, дорогая, расставаться с тобою мне жаль, как к лицу тебе, слышишь, родная, эта темно-вишневая шаль" (В. Бакалейников).

Таким образом, роль различных частей речи в тексте русского романа заключается в создании образности, передаче эмоционального состояния героев, углублении читательского понимания семантических особенностей текстов и реализации одной из важнейших функций языка – эстетической.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (общие вопросы) / под ред. Б. А. Серебrenникова. – М., 1977. С. 188–206.
2. Мишати́на Н. Л. Лингвоконцептоцентрическая методика как путь развития методики XXI века // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: міжвуз. зб. наук. ст. / відп. ред. В. А. Зарва. – Бердянськ, 2010. Вип. XXIII. Ч. I. С. 491-504.
3. Якобсон Р. Я. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. 469 с.

Ивкова Елена Юрьевна

Костромской государственной университет
имени Н. А. Некрасова
г. Кострома, Россия
ivkova.elena@gmail.com

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»)

В статье рассматриваются особенности функционирования многокомпонентных сложноподчиненных предложений в коммуникативном пространстве текста романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Особое внимание уделяется усложненным конструкциям, характеризующим речь

Пьера Безухова. Выявляется продуктивность их структурных моделей, анализируются особенности их употребления в различных речевых ситуациях.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчиненное предложение, речевая ситуация, художественный текст, речь персонажа, внутренняя речь.

Известно, что язык художественного произведения является тем материалом, которым литературный язык как единый комплекс обогащается и под воздействием которого преобразуется [Едличка 1983: 101]. В сфере художественной литературы русский литературный язык достиг высокой степени культивированности. Поскольку для литературного языка характерна ориентация на образцы, значительную роль в этом процессе сыграли «образцовые» писатели XIX века, представители духовной и умственной жизни народа. По мнению Л. Д. Беднарской, привлечение для лингвистического анализа индивидуального языка писателей дает возможность показать, как в процессе взаимодействия индивидуального языка с общелитературным языком происходит обогащение общенародного языка и совершенствование его на всех уровнях языковой системы, в том числе и на синтаксическом [Беднарская 2012: 20].

В настоящее время остается актуальным вопрос о функционировании многокомпонентных сложных предложений в литературно-художественном тексте. Так, в синтаксической организации одного из лучших произведений мировой художественной литературы романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» находит реализацию функциональный потенциал многокомпонентных сложноподчиненных предложений (далее МСПП). Иерархическая структура МСПП сообразна с глубоким и многообъемлющим содержанием романа, в котором грамматическое строение речи подчинено смысловому заданию.

Для функционального подхода важно понятие речевой ситуации. Под речевой ситуацией понимается сложный комплекс внешних условий общения и внутренних реакций общающихся, находящих выражение в высказывании и оказывающих на него влияние [Формановская 2005: 55]. Речевую ситуацию или ситуацию общения образуют следующие характеристики: авторская речь/речь персонажей; монолог/диалог; социальные роли и тема общения; среда общения: публичность/частность, официальность/неофициальность. Таким образом, представляется важным соотношение языка, коммуникативного сообщества и пространства коммуникации.

Несмотря на значительный объем, МСПП широко представлены в тексте романа не только в авторском повествовании, но и в

речи героев, обладающей определенным стилистическим потенциалом в аспекте книжное / разговорное. Общая представленность МСПП в речи действующих лиц составляет 12% от всего числа подобных предложений в романе [Ивкова 2014: 213]. Речь персонажа, в которой отражается принадлежность его к определенному классу, определенной эпохе, а также индивидуальные черты героя, является одним из элементов целостного художественного образа. Синтаксические структуры во всем своем многообразии способны создавать художественный образ [Беднарская 2012: 32]. В тексте романа МСПП встречаются в речи представителей разных социальных слоев общества. В основном это люди из высшего дворянского круга; они образованны, владеют в совершенстве не только литературным русским, но и французским языком. Интересно отметить, что МСПП представлены и во французской речи героев. Наиболее высокой частотностью МСПП оказывается в речи Андрея Болконского, Пьера Безухова, Николая Ростова, княжны Марьи, Наташи Ростовской, графини Ростовской, князя Василия. Однако МСПП встречаются и в речи простых людей, не имеющих высокого социального статуса: капитана Тушина, офицера Долохова, эскадронного командира Денисова.

Несомненный интерес в плане организации усложненных синтаксических конструкций и особенностей их употребления вызывает речь Пьера Безухова, своеобразие которой во многом определяется частотностью МСПП. В речи Пьера находим 57 случаев употребления МСПП, что составляет 15 % от всего числа подобных предложений, используемых в речи всех действующих лиц романа. Они разнообразны по своей структуре и функциям; представлены как в репликах, так и во внутренней речи героя. Продуктивность и разнообразие МСПП в речи Пьера Безухова объясняется не только тем фактом, что этот герой образован и хорошо владеет литературным языком, но и сложностью, противоречивостью его внутреннего мира. На протяжении всего романа он пристально вглядывается в себя, вдумывается в смысл явлений жизни, пытается распутать ее «страшный узел», стремится к совершенствованию. Все это поддерживается самой формой МСПП, которая представляет собой многомерную иерархическую конструкцию. Для речевой характеристики своего героя Толстой использует весь спектр вариантов композиционного развертывания МСПП: последовательное подчинение, соподчинение (однородное и неоднородное) и контаминированное подчинение компонентов. Большинство МСПП, представленных в речи Пьера – это конструкции неконтаминированного типа: модели с соподчинением (29,8%) и последовательным подчинением компонентов

(31,6%). Их продуктивность в речи связана с тем, что они являются наилучшей формой для функционирования таких стилистических фигур, как параллелизм, сравнение, градация и др. Наиболее наглядно и многообразно процесс «развертывания» мысли проявляется в МСПП контаминированной структуры, сочетающей в себе соподчинение и последовательное подчинение придаточных. Именно они призваны показать все сплетения мыслей и чувств персонажа. Несмотря на усложненную организацию, Толстой активно вводит их в речь своего героя (38,6%). Предельными по количеству компонентов являются МСПП, включающие в себя пять компонентов.

Рассмотрим более детально МСПП, представленные в речи Пьера Безухова, с точки зрения их функционирования в тексте романа и проследим особенности их употребления в различных ситуациях общения. Толстой вводит МСПП в речь Пьера для оформления реплик, выраженных прямой речью (монолог/диалог) и для организации внутренней речи (монолог/диалог). Анализ МСПП показал, что чаще всего подобные предложения вводятся в звучащую прямую речь – 65 %. В прямой речи, выраженной преимущественно в репликах диалога Пьера с князем Андреем, духовно близким ему человеком, представлены МСПП разных структурных вариантов и типов. Основная функция МСПП с последовательным подчинением, с соподчинением и, в частности, с однородным соподчинением придаточных заключается в передаче многообразия мыслей и чувств. Выражение мысли «во всю ее глубину» требует придаточных предложений, показывающих само развитие мысли, связывающих друг друга вытекающие действия: 1) – *Я хотел сказать только, **что** все мысли, **которые** имеют огромные последствия, – всегда просты* [Толстой 2012: т. 4, 788]; 2) – *Вся моя мысль в том, **что** ежели люди порочные связаны между собою и составляют силу, **то** людям честным надо сделать только то же самое* [Толстой 2012: т. 4, 788]. Самой частотной среди конструкций с последовательным подчинением придаточных является конструкция с минимальным для МСПП количеством компонентов, а именно трехкомпонентная конструкция. Здесь мы, как правило, наблюдаем замедление композиционного развертывания вследствие введения интерпозитивного придаточного. Таким образом, в некоторой степени сбивается линейная композиция фразы и тем самым ход мысли в ней, что приближает эту книжную конструкцию к условиям устного речевого общения. Выражение мысли «во всю ее ширь» требует предложений с однородным соподчинением придаточных. Для таких МСПП характерен по-

втор союзных средств, полисиндетон, усиливающий четкость и выразительность речи: 1) – *Я чувствую, **что**, кроме меня, надо мною живут духи и **что** в этом мире есть правда* [Толстой 2012: т.1, 551]; 2) – *Жить только **так**, **чтобы** не делать зла, **чтоб** не раскаиваться, этого мало* [Толстой 2012: т.3, 544]. Синтаксический параллелизм конструкции, повтор союза усиливают смысловую емкость, глубину высказывания и способствует ее лучшему восприятию. При описании философских споров между Пьером и князем Андреем писатель обычно использует МСПП контаминированного типа, включающие от четырех до пяти компонентов. Толстой как никто умел воспроизвести «развертывание» мысли, процесс ее формирования: 1) – *Разве я не чувствую, **что** я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется божество, – высшая сила, – как хотите, – **что** я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим* [Толстой 2012: т.2, 551]; 2) – *Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, **которая** ведет от растения к человеку, **то** отчего же я предположу, **что** эта лестница, **которой** я не вижу конца внизу, она теряется в растениях* [Толстой 2012: т.2, 551]. Подобные конструкции в речи героя призваны показать, что его речь продумана, может быть, неоднократно внутренне проговорена. Нередко в ней прослеживаются «сигналы разговорности», которыми характеризуется устная речь [Виноградов 1963: 6]. Так, подобным сигналом служат повтор союзов, параллелизм строения частей. Таким образом, мы согласны с теми исследователями, которые отмечают, что Толстой приспособливает эту книжную конструкцию к условиям устного речевого общения [Ганцовская 1984: 77]. Многомерная иерархическая структура контаминированных конструкций позволяет передать само движение мысли и при этом сохранить всю ее сложность и противоречивость. Несмотря на большой объем конструкций и кажущуюся их сложность, читатель легко воспринимает подобные предложения. Эта ясность достигается благодаря созданию структурно-семантических блоков, одним из которых является комплексное функционирование предикативных частей. В этом случае образуется тесное структурно-смысловое единство двух придаточных, подчиняющихся одной главной части как единый блок. Оно возникает на основе последовательного подчинения, как бы накладываясь на эти отношения, взаимодействуя с ними (пример 2). Обращает на себя внимание и тот факт, что для МСПП в речи Пьера характерны отношения обусловленности, что отражает четкую логическую последовательность его мыслей (см. примеры выше). Четкая логика прослеживается и в МСПП, представленных в официальной речи

Пьера перед масонами. Это выраженная в монологической форме заранее подготовленная, продуманная речь. Толстой пишет: *...главная потребность Пьера состояла именно в том, чтобы передать свою мысль другому точно так, как он сам понимал ее* [Толстой 2012: т.2, 616]. Это стремление обуславливает выбор конструкций МСПП, так как они позволяют увидеть логическое построение мысли: *Всякая насильственная реформа достойна порицания **потому, что** нисколько не исправит зла, **пока** люди остаются таковы, **каковы** они есть, и **потому, что** мудрость не имеет нужды в насилии* [Толстой 2012: т.2, 615].

Известно, что Л. Н. Толстой – признанный мастер психологического анализа. Для него было важным показать внутреннюю жизнь своего героя как что-то противоречивое и меняющееся. Поэтому значительное место в романе занимает внутренняя речь, которая представляет собой скрытое внутреннее проговаривание. МСПП, включенные во внутреннее говорение персонажей, позволяют не только изобразить сложные мыслительные процессы, но и более глубоко раскрыть их характеры, более полно показать их внутреннюю жизнь. МСПП во многом формируют и внутреннюю речь Пьера Безухова (35 %). В его внутренней речи Толстой широко использует форму внутреннего монолога. По мнению В.В. Виноградова, синтаксическая фраза у Толстого непосредственно отражает ход мысленно произносимой, как бы импровизируемой монологической речи [Виноградов 1939: 142]: *Людвика XVI казнили за то, что они говорили, что он был бесчестен и преступник (пришло Пьеру в голову), и они были правы со своей точки зрения, так же как правы те, которые за него умирали мученической смертью и причисляли его к лику святых* [Толстой 2012: т.2, 453]. Благодаря внутреннему монологу перед нами открывается психологическое состояние Пьера: *Это должно быть так, но я еще так слаб, что люблю свою жизнь, которой смысл только теперь понемногу открывается мне* [Толстой 2012: т.2, 508]. МСПП призваны передать особый ход его мыслей. Прочитируем Толстого: *..и в то же время, как он рассуждал так (еще рассуждения эти оставались неоконченными), он заставлял себя улыбающимся и сознавал, что **другой ряд рассуждений всплывал из-за первых...*** [Толстой 2012: т.1, 298]. Следует отметить, что во внутреннем монологе персонажа нередко появляется обращенность к самому себе либо к отсутствующему собеседнику. Тем самым внутренний монолог приближается к форме диалога: *Мне говорили, что ее брат Анатолий был влюблен в нее, и она влюб-*

лена в него, что была целая история и что от этого услали Анатоля [Толстой: т.1, 298].

Язык стремится преодолеть некоторую беспорядочность мысли, которая, будучи отражением объективной действительности, выявляет свойственную этой действительности неупорядоченность, скачкообразность отдельных процессов [Гальперин 2014: 10]. Рассматривая многокомпонентное предложение как текст, его тоже можно назвать своеобразным «островком организованности». МСПП незаменимы в дневниковых рассуждениях Пьера, поскольку сама форма дневника – это попытка упорядочить то «взрывающееся случайное, незапрограммированное», которое возникает в процессе речи. Оставаясь невысказанной, эта внутренняя речь подвергается письменной фиксации. По мнению В. Л. Ринберг, реплика беззвучного диалога – явление двойное: с одной стороны, она как элемент внутренней речи обращена к самому себе, т. е. лишена по существу коммуникативной функции; с другой стороны, она направлена в адрес другого лица и, будучи вслух не произнесенной, может стать ситуативно-коммуникативной [Ринберг 1987: 68]. Так, в своем дневнике Пьер как бы ведет беззвучный диалог с воображаемым собеседником: *Теща моя в слезах приехала ко мне и сказала, что Элен здесь и что она умоляет меня выслушать ее, что она невинна, что она несчастна моим оставлением и многое другое* [Толстой 2012: т. 2, 619].

Итак, в тексте романа «Война и мир» МСПП служат ярким средством речевой характеристики героев, участвуют в создании сложных характеров. Даже при значительном композиционном усложнении они активно вводятся Толстым как в реплики, так и во внутреннюю речь персонажей, обладают прозрачной композицией, что придает им высокие перцептивные свойства.

Литература

1. Беднарская Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Монография. – Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2012. 392 с.
2. Виноградов В. В. О языке Толстого: (50–60-е годы). – М.: АН СССР, 1939. Кн. 1. С. 117–220.
3. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 8-е. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2014. 144 с.
5. Ганцовская Н. С. Особенности употребления сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными в пьесах Л. Н. Толстого // Язык и стиль Л. Н. Толстого: межвуз. сб. науч. трудов. – Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1984. С. 72–78.

6. *Едличка А., Барнет В.* Состояние и результаты исследований в области теории изучения литературного языка в чешской лингвистике // Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы: сборник обзоров. – М., 1983. С. 78–118.
7. *Ивкова Е. Ю.* Особенности функционирования многокомпонентных сложноподчиненных предложений в коммуникативном пространстве художественного текста (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») // Наследие Л. Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки: материалы XXXIV Междунар. Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2014. С. 211–216.
8. *Ринберг В. Л.* Внутреннее диалогическое единство как изобразительное средство в творческой лаборатории Л. Н. Толстого // Изучение языка произведений Л. Н. Толстого: межвуз. сб. науч. трудов. – Тула, 1987. С. 67–73.
9. *Толстой Л. Н.* Война и мир: в 2 кн. Кн. 1, 2. – М.: Эксмо, 2012. 1856 с.
10. *Формановская Н. И.* Культура общения и речевой этикет. – М.: ИКАР, 2005. 250 с.

Колобова Екатерина Андреевна

Костромской государственной университет
имени Н. А. Некрасова
г. Кострома, Россия
katrink44@mail.ru

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ И КОНЦЕПТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ПО ПОВЕСТИ П. САНАЕВА «ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ»)

Фразеологические единицы в узуальном и трансформированном виде способны выполнять текстообразующую и концептообразующую функции: связывать между собой остальные элементы текста, участвовать в организации единого художественного пространства и создании основного смысла произведения. В предложенной статье анализируются функции фразеологизма *тяжелый крест* в структурной и смысловой организации повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом». Данная фразеологическая единица, используемая в языковом и трансформированном виде, участвует в структурно-смысловой организации повествования; наряду с лексемой *крест* образует лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее тему тяжелой судьбы.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая конфигурация, текстообразующая функция, концептообразующая функция.

«Похороните меня за плинтусом» — автобиографическая повесть Павла Санаева, написанная в 1994 году. Удостоена премии журнала «Октябрь» за 1996 год, номинировалась на Букеровскую премию. В начале 2003 года вышла самостоятельным изданием, в дальнейшем книга много раз переиздавалась миллионными тиражами. Был снят одноименный фильм, в основу сценария которого лег сюжет повести П. Санаева. И повесть, и фильм имели огромный успех как в России, так и за рубежом. Прототипами персонажей повести являются реальные люди: автор книги — сын актрисы Елены Санаевой, пасынок Ролана Быкова, внук народного артиста СССР Всеволода Санаева. Повесть рассказывает о лишенном материнской любви мальчике — объекте неистойой бабушкиной любви, который живет на перекрестке понятных, но совершенно истребительных интересов и чувств, взаимная глухота героев ведет к безумию и страшным страданиям всех участников конфликта.

Один из главных персонажей повести — бабушка Нина, психически больная женщина, которая ничего не делает наполовину. Она ненавидит так же сильно, как и любит. Ее любовь более губительна, чем иная неприязнь. Она деспотична и не встречает ни в ком отпора, потому что ее сила и власть слишком велики и все давно сложили свое оружие, стараясь обходить острые углы отношений. Бабушка ненавидит свою единственную дочь за то, что та живет не так, как нужно, что она осмелилась уйти и жить по-своему, с карликом-кровопийцем (Роланом Быковым), да еще не имея возможности нормально воспитывать своего сына с тысячью всевозможных болезней и повесив его бабушке на шею «тяжелой крестягой».

В контексте повести Санаева слово *крест* и фразеологическая единица (ФЕ) с компонентом *крест* в узуальном и трансформированном виде участвуют в структурно-смысловой организации повествования, образуют лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее тему тяжелой судьбы, прежде всего бабушкиной, то есть выполняют текстообразующую и концептообразующую функции, которые «в тексте составляют неразрывное единство: текстообразующее функционирование языковых единиц служит средством создания языковых форм их концептуального содержания в тексте» [Мелерович 2001: 187]. Несколько раз автор использует фразеологизм *тяжелый крест* («тяжелая доля, трудная судьба кого-либо»). ФЕ употребляется и в речи внука Саши, и в прямой и косвенной речи бабушки. Рассмотрим фразеологические конфигурации, раскрывающие непростую судьбу героини повести.

Произведение начинается так: *«Меня зовут Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровопицу и повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой. Так я с четырех лет и вишу»*. Сверхфразовый контекст представляет собой фразеологическую конфигурацию, центром которой является контаминированный фразеологизм *повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой*, образованный по модели присоединительной контаминации (подробнее см. [Третьякова 2011: 92], [Колобова 2011: 37–38]) глагольной единицы *повесить на шею* и субстантивного фразеологизма *тяжелый крест*. Базовые единицы претерпели изменения грамматического и семантического характера. В глагольной ФЕ расширен состав компонентом-конкретизатором *бабушкину*. Во втором контаминанте за счет замены исходных составляющих однокоренными словами происходит интенсификация семы ‘тяжелый’. Санаев заменяет оба компонента: *тяжелый – тяжкий* (‘очень тяжелый’ [Ожегов 1997: 1012]), *крест – крестяга* (суффикс -яг- образует слова разговорного стиля с оттенком увеличительности [Потиха 1970: 250]). Контаминированный фразеологизм *повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой* (‘навязать человеку очень тяжелое испытание’), вычлененный глагольный компонент *вишу*, употребленный в значении настоящего неактуального времени и указывающий на наличие не связанного с временными ограничениями действия, задают тон дальнейшему авторскому повествованию, вводят нас в мир авторской иронии, становятся лейтмотивными языковыми средствами, которые характеризуют драматичное эмоциональное состояние бабушки.

В главе «Белый потолок» Санаев снова использует эти фразеологизмы, вводя их в прямую речь героини. Вот она разговаривает по телефону с мамой Сашиной одноклассницы: *«— Ой, что вы, — говорила бабушка, — ваша Света здоровая девочка по сравнению с этой падалью! <...> Есть мудрая поговорка, Вера Петровна: за грехи родителей расплачиваются дети. Он расплачивается за свою мать-потаскуху. <...> Ребенка бросила мне на шею. Пять лет с ним маюсь...»* После ссоры с внуком, плача в ванной, жалуется на свою судьбу: *«Зачем ты, Господи, на шею мою крестягу такую тяжкую повесил?! За какие грехи? <...> Прости, но дай мне силы крестягу эту тащить! Дай мне силы или пошли мне смерть! Матьерь Божья, заступница, дай мне силы влачить этот тяжкий крест или пошли мне смерть!»*

Фразеологические единицы с компонентом *крест* (*тяжелый крест, нести крест* – ‘терпеливо переносить испытания, страдания’)

организуют структурно-смысловое пространство главы, включаются в сверхфразовую фразеологическую конфигурацию, являются смысловой доминантой отрывка. Автор трансформирует глагольный компонент идиомы, заменяя его семантико-стилистическими синонимами: *тащить* (разг. 'трудясь, заботясь, помогать кому-либо' [Ожегов 1997: 1012]), *влачить* (высок. 'вести трудную одинокую жизнь' [Ожегов 1997: 97]). В этом случае «конкретизация имеет особенность: глагол не называет ни места, ни времени, ни субъекта – конкретизации подвергается процесс, действие» [Третьякова 2011: 136]. В результате происходит совмещение семантики фразеологизма и языкового значения, интенсифицируется сема 'трудный'. Дважды автор использует и ФЕ *тяжелый крест*, видоизменяя ее: 1) *на шею мою крестягу такую тяжкую повесил* – с помощью синтаксической трансформации и объединении с фразеологизмом *повесить на шею* (что возвращает нас к началу повести); 2) *влачить этот тяжкий крест* – с помощью контаминации фразеологизмов с общим именным компонентом.

Преобразуя фразеологические единицы и употребляя их несколько раз в рамках одной главы, Санаев раскрывает всю глубину трагедии бабушкиной жизни: ее безумную любовь к внуку, непреходящую ненависть к дочери, ее восприятие жизни как тяжелого испытания. Автор передает диалектику внутреннего мира героини. Она винит в своих бедах непутевую дочь, которая «ребенка бросила ей на шею», не может понять, за какие грехи Господь посылает ей этот крест, и, наконец, смиряется с тем, что это ее доля – тащить и влачить этот тяжкий крест. Этот крест на жизни, на судьбе, на простом человеческом счастье.

В конце повести образ креста возникает снова, но уже как символа смерти, чему способствуют повтор лексемы *крест*, использование слов одной тематической группы (*кладбище, умру, похоронишь, могильщики*). Бабушка умирает, и этим наступает конец скандалам, истерикам и шантажу.

«Уличный фонарь отбрасывал через окно на потолок бело-голубой отсвет, на котором черным крестом оттенялась оконная рама. Крест! Кладбище!

— Мама! — испуганно прижался я. — Пообещай мне одну вещь. Пообещай, что, если я вдруг умру, ты похоронишь меня дома за плинтусом.

— Что?

— Похорони меня за плинтусом в своей комнате. Я хочу всегда тебя видеть. Я боюсь кладбища! Ты обещаешь?

Но мама не отвечала и только, прижимая меня к себе, плакала. За окном шел снег.

Снег падал на кресты старого кладбища. Могильщики привычно валяли лопатами землю, и было удивительно, как быстро зарастает казавшаяся такой глубокой яма. Плакала мама, плакал дедушка, испуганно жался к маме я — хоронили бабушку».

Павел Санаев последовательно изображает трагедию бабушкиной судьбы: от «тяжкой крестяги» до черного могильного креста, используя лексические и фразеологические повторы, которые выполняют текстообразующую и концептообразующую функции, объединяя разные эпизоды повествования в единое смысловое целое.

Литература

1. Колобова Е. А. Фразеологическая контаминация: дис ... канд. филол. наук. – Иваново, 2011.
2. Мелерович А. М. Фразеология и концептосфера в художественном тексте // Текст. Структура и семантика: доклады VIII Международной конференции. Т. 2. – М., 2001.
3. Потиха З. А. Современное русское словообразование. – М., 1970.
4. Санаев П. В. Похороните меня за плинтусом. URL: <http://lit.lib.ru/s/sanaev/plintus.shtml>.
5. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология. – Кострома, 2011. 290 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. 543 с.
7. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1985. 304 с.

Кольцова Елена Александровна

Ивановский государственный энергетический университет
г. Иваново, Россия
elena.a.koltsova@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (на материале английского языка)

Антропонимические номинации представляют собой не прямые номинации, используемые говорящим для называния человека. Данные единицы могут применяться в различных ситуациях межличностной коммуникации. Их функционирование в общении разнообразно и подчинено интен-

циям говорящего субъекта. Особенности структуры антропонимических номинаций рассматриваются в их зависимости от иллокутивных намерений номинатора.

Ключевые слова: антропонимические номинации, прагматика, межличностная коммуникация, речевые акты.

Проблемы языковой номинации составляют важную сферу современной науки о языке, в которой пересекается ряд направлений, как собственно лингвистического характера, так и имеющих отношение к смежным наукам и областям знания. Одним из важнейших факторов номинации лингвисты называют человеческий фактор, поскольку языковая техника призвана обеспечивать реализацию мыслительно-коммуникативных потребностей и намерений человека. Роль человека в языке является актуальной проблемой, решаемой в теории номинации.

В данной статье ставится цель рассмотреть не прямые / косвенные наименования лица, возникающие в процессе общения, интеракции, проанализировать особенности их структуры и употребления, а также зависимость выбора того или иного непрямого антропонимического имени от целевых установок говорящего. Учет сразу нескольких прагматических параметров, как то: всех участников коммуникативного акта, их иллокутивных целей, а также ситуации общения, позволяет по-новому взглянуть на проблему возникновения и функционирования не прямых/косвенных номинаций в речи, которая подробно изучалась и прежде в трудах В. Н. Телии [Телия 1996], А. И. Варшавской [Варшавская 1984], Ф. И. Карташковой [Карташкова 2003] и многих других.

Речевая коммуникация – это стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных языковых ресурсов. Речевая деятельность в подавляющем большинстве случаев мотивируется неречевыми задачами, эффективность их решения предстает важнейшим и определяющим критерием, в соответствии с которым люди осуществляют выбор языковых средств. Это позволяет рассматривать речевую коммуникацию в аспекте общей стратегии (с точки зрения целей говорящего) и конкретной тактики (с точки зрения способа ее достижения).

Речевая коммуникация практически всегда предполагает речевое воздействие, интенсивность которого различается в зависимости от типа дискурса. Речевое воздействие в широком смысле слова понимается как речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности [Иссерс 2003: 21].

Переходя к рассмотрению не прямых / косвенных номинаций лица в речевом общении, необходимо определить объект нашего исследования. В данной статье будут рассматриваться антропонимические номинации, понимаемые нами как не прямое название человека, в процессе речевого взаимодействия в сфере разговорной речи. Фактическим материалом послужили художественные тексты современных англоязычных авторов, которые включают речевые эпизоды общения, содержащие интересующие нас номинативные единицы. Важно отметить, что разговорная речь является той сферой, в которой номинативная деятельность человека проявляется во всем своем многообразии.

В лингвистике последнего времени не раз отмечалось, что ориентация имени на адресата / слушающего имеет чрезвычайно большое значение. Выбор имени определяется в равной степени как собственно интенцией говорящего, так и фактором адресата. Рассматриваемые оценочные имена номинатов (в основном косвенные по своему характеру), передающие чувство-отношение номинатора к объекту именованию, разнообразны по форме и иллокутивной силе. Диапазон подобных чувств-отношений беспредельно широк, но в конечном итоге ограничен крайними полюсами аксиологической шкалы "хорошо – плохо".

Использование тех или иных языковых единиц в высказывании определяет их способность оказывать воздействие на участников коммуникативного акта, в связи с чем представляется возможным говорить о перлокутивном эффекте имени. Таким образом, речевые акты именования, включающие оценочные экспрессивы, служат своеобразной тактикой коммуникативного поведения говорящего. Под экспрессивом, вслед за Е. М. Вольф, будем понимать высказывание, которое может быть интерпретировано как оценочное или включает оценочный элемент в свою интерпретацию [Вольф 1985: 171–176]. Выбор имени для называния чрезвычайно важен, так как оно должно найти желаемый отклик в душе адресата, вызвав соответствующую реакцию реципиента. Однако выбор оценочного имени детерминируется ситуацией общения.

Анализ фактического материала (более 3 тыс. эпизодов общения) показывает, что между тремя основными компонентами коммуникативной ситуации могут возникать различные комбинации. Самыми распространенными случаями возникновения оценочных антропоцентрических номинаций являются ситуации, в которых адресат и номинат / объект оценки совпадают (45,5 %). Довольно часто

можно наблюдать изучаемые номинации в ситуации, когда говорящий / номинатор, адресат и объект оценки/номинат представлены отдельно (26,5 %). Значительное количество оценочных номинаций лица присутствует в ситуации, где совпадают говорящий и номинат / объект оценки (16 %). Полная типология коммуникативных ситуаций оценки с учетом различных параметров приводится в других работах [Кольцова 2009; Кольцова, Карташкова 2010].

Имена, маркирующие как отношение номинатора к номинату, так и взаимоотношения между участниками речевого акта называния, представляют собой достаточно разнородную группу. Сюда относится, в первую очередь, оценочная лексика, характеризующаяся положительной или отрицательной коннотацией, которая может быть присуща языковым единицам ингерентно либо же приобретается словом в речи под воздействием контекстно-прагматических факторов. При этом позитивная или негативная семантика имен может стираться или изменяться на противоположную под воздействием прагматики человеческих взаимоотношений. Кроме того, в рассматриваемую группу имен входят и слова нейтральной семантики, как например, названия животных, неодушевленных предметов, слова генерализующей семантики типа *creature, thing, being*.

Рассмотрим выделенные выше ситуации общения на конкретных примерах. В случае, когда три интересующих нас компонента коммуникативного акта, а именно говорящий, адресат и объект именования, не совпадают, экспрессивные номинации негативной оценки встречаются, когда говорящий уничижительно отзывается о номинате, пытаясь, тем самым, понизить его статус в глазах собеседника. Довольно часто они возникают также в ситуации эмоционального возбуждения, когда говорящий испытывает чувство негодования, злобы или зависти. Еще одна частотная функция негативных номинаций в данном типе коммуникативных ситуаций – насмешка.

‘This guy’s a worm,’ he said.

‘Come on, Clay. Let’s keep it nice.’

‘He’s a worm and you know it, Rebecca.’ (Grisham)

Говорящий употребляет метафорическую номинацию *a worm* для называния номината. Существительное *worm*, относящееся к группе зоонимов, при референции к человеку приобретает негативные коннотации. Выбирая данное имя, говорящий стремится подчеркнуть слабость, ничтожность, малодушие номината, эксплицируя свое презрение и неуважение к последнему. Цель номинатора – вызвать соответствующие чувства у адресата. Повторное употребление номинации усиливает отрицательную оценку.

Антропонимические номинации с положительным вектором оценки в рассматриваемом типе ситуаций призваны передать сочувствие говорящего к номинату, защитить его перед адресатом или передать чувство восхищения номинатом, похвалить его качества или поступки.

She lowered her voice. 'You're a very lucky young man, Joe. Alice is *an angel, a real angel. A heart of gold.*' (Braine)

Приведенная ситуация диполового общения содержит косвенное метафорическое имя, передающее положительное отношение говорящего к номинату. Желая продемонстрировать адресату свое расположение к номинату, говорящий использует номинацию *an angel*, которая эксплицирует положительную оценку. Повторное употребление данной номинации, модифицированной прилагательным *real*, усиливает позитивное звучание оценочного имени. Говорящий, прибегая к экспрессивной номинации, ставит цель предостеречь адресата от пренебрежительного обращения с номинатом.

Второй тип коммуникативных ситуаций, в котором адресат и номинат представлены синкретично, характеризуется большой частотой употребления оценочных экспрессивных номинаций антропонимической направленности. Негативная оценка в данном случае нацелена на то, чтобы оскорбить и унижить адресата-номината в конфликтной ситуации, либо принизить его заслуги и достоинства, понизить его статус.

'You can't frighten me,' Martin blustered. 'Rina would die if anything happened to me. She loves me.'

'Loves you?' Nick sneered. 'She wanted *a lap-dog*. I bought her one. Love is not a word that figures in the Martella vocabulary...'

 (Wilson)

В данном коммуникативном акте принимают участие два собеседника: говорящий / номинатор и адресат-номинат. Говорящий ассоциирует номинат с маленькой собачкой, выводя на первый план функциональный признак объекта – предмет для забавы. Выбор такого косвенного наименования в полной мере соответствует интенции говорящего: оскорбить адресата, выразить пренебрежительное отношение и невысокое мнение о нем.

Номинации позитивной оценки чаще всего встречаются в ситуации обращения, либо служат для похвалы адресата-номината, одобрения его действий или встречаются в случае доброй иронии.

'Today of all days, with the boss leaving, and I'm late as it is...'

'If the worst thing that happens today is your shirt button and this pair screaming "damn" when your mother comes to mind them this afternoon, then we're doing fine,' Sally pointed out.

Steve nodded, teasingly. 'You're right, *Pollyanna*.' (Kelly)

В ходе разговора говорящий называет адресата косвенным именем *Pollyanna*, интертекстуальным по своей природе. Выбор данной номинации мотивирован ситуацией общения: оптимистичное поведение адресата напоминает говорящему поведение героини романа Элинор Портер «Поллианна», чье имя стало нарицательным. Положительные коннотации использованной номинации легко выводятся из прагматического контекста, приобретая при этом несколько ироничный оттенок.

Коммуникативные ситуации, когда совпадают говорящий и номинат/объект оценки, представляют собой случаи самооценки. Автономинации применяются говорящими в следующих типах речевых ситуаций: извинение, раскаяние, оскорбление, самоосуждение / самооскорбление, угроза, самопрезентация. Приведем пример.

Tears spilled over on to Joanna's cheeks and she turned away frantically. It wasn't only that. Losing Martin had devastated her, but she had not even been able to mourn in peace. It was this feeling of being menaced, pursued, threatened.

'Oh, Joanna! I'm *a bitch*.' Eileen put her arm around Joanna and clucked at her like a small, plump hen, and it helped. Joanna dried her eyes and sniffed ruefully.

'No. You're quite right. It's better to face facts. I'm *an idiot*.' (Wilson)

Настоящий эпизод интеракции содержит номинацию негативной оценки. Говорящий просит прощения у адресата за резкие слова, больно задевшие последнего, что эксплицитно представлено в предтексте через описание невербального поведения адресата: *Tears spilled over on to Joanna's cheeks and she turned away frantically*. Объектом осуждения, таким образом, выступает речевое поведение говорящего. Акт извинения представлен двумя способами: вербальным и невербальным. Вербально извинение выражено посредством отрицательной автономинации, состоящей из одного элемента – негативно коннотированного существительного *a bitch*. Невербальные действия 'Eileen put her arm around Joanna and clucked at her like a small, plump hen' помогают говорящему добиться прощения адресата, о чем свидетельствует его реагирующее поведение: 'No. You're quite right. It's better to face facts. I'm an idiot.' В ответном ходе адресата используется отрицательная автономинация *an idiot*, которая коррелирует с рассмотренной автономинацией *a bitch* и представляет собой пример ситуации самоосуждения.

Автономинации положительной оценки часто служат целям самопрезентации говорящего.

“So you walked into my world?” he suddenly said quietly, speaking over her head, not looking at her at all.

“With my father!”

“It doesn’t much matter. Finally he will give you to me.”

Joanna’s head shot up, her jade-green eyes furious at the arrogance. “I’m not a pair of socks!”

He laughed ... “No. You’re a goal... A golden goal.” (Wilson)

В данном эпизоде диалогического общения косвенная номинация самооценки используется в ответном коммуникативном ходе как защитная реакция на оскорбительные слова собеседника. Воспринимая высказывание собеседника как принижение собственного достоинства, говорящий желает повысить свой статус и дать понять адресату, что не является бездушной и безвольной вещью, не способной распоряжаться своей жизнью. Для реализации своего намерения номинатор употребляет несколькословную номинацию антонимического характера, ядерным элементом которой выступает именная фраза *a pair of socks*, призванная подчеркнуть отрицаемые говорящим качества: незначительность (отсутствие важности, значимости), безволие.

Таким образом, использование оценочных антропонимических номинаций позволяет говорящему в полной мере реализовать свои коммуникативные намерения и зачастую добиться желаемого результата. Рассмотренные непрямые именованья позволяют глубже понять механизмы номинативной деятельности человека.

Литература

1. Варшавская А. И. Смысловые отношения в языке. – Л., 1984.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003.
4. Карташкова Ф. И. Косвенная номинация в аспекте мыслительноречевой деятельности. – Иваново, 2003.
5. Кольцова Е. А. Оценочные номинации лица: гендерный и коммуникативно-прагматический аспекты (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009.
6. Кольцова Е. А., Карташкова Ф. И. Оценочные номинации лица: гендерный и коммуникативно-прагматический аспекты. LAP Lambert Academic Publishing. 2010.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. – М., 1996.

Куражова Ирина Владимировна

ООО «Диамэкс» Инжиниринг

г. Иваново, Россия

irina.kurazhova@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРНИТОНИМОВ В АНГЛИЙСКИХ СКАЗКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена анализу функционирования орнитонимов в английских народных сказках с целью выявления их поведенческих качеств, что дает представление о ценностных ориентирах английского этноса.

Ключевые слова: народные сказки, орнитонимы, ценностные ориентиры, английский этнос.

Культурологические, лингвистические и этнолингвистические исследования последних лет нацелены на воссоздание народной культуры в целом, а также ее отличительных черт. Невозможно переоценить роль фольклорных источников в достижении этих целей, поскольку они наиболее полно отражают архаическое народное мировоззрение, дают представление о фольклорной картине мира, а также об особенностях языковой картины мира как в синхроническом, так и диахроническом аспектах.

Сказочную картину мира следует рассматривать как целостный образ мира, отраженный в языке сказки. О. А. Плахова полагает, что сказочная картина мира подобно фольклорной отражает окружающую действительность, включая культурное своеобразие народа [Плахова 2012: 26]. Сказочная картина мира в полной мере дает представление об особенностях образа жизни древнего народа, его трудовой деятельности, нормах поведения, нравственных ценностях, архаических представлениях о мире, отношении к окружающей действительности. Общеизвестно, что эти сведения воспринимаются как должное и усваиваются неосознанно в детстве в силу частого восприятия.

Несмотря на то, что сказки разных народов мира имеют много общего, несомненно то, что, в силу особенностей культурно-исторического развития, они обладают специфическими национальными характеристиками.

Многие зоонимы, в том числе орнитонимы, используются для метафорического, стилистически окрашенного обозначения человека, поэтому очень часто встречаются в сказочных текстах.

У некоторых народов такие птицы, как ворон и гриф, являются роковыми символами, свидетельствующими о близкой болезни или смерти. Однако чаще всего птицы ассоциируются с благоприятным знаком. Например, кельты считали, что птицы связаны с божественным началом и поэтому преклонялись перед ними. Во многих культурах образ птицы, прежде всего, связан с мудростью и интеллектом.

Наряду с человеком, птицы являются активными действующими героями сказки. Так, в английских сказках наиболее частыми персонажами являются домашние птицы *cock* (*петух*), *hen* (*курица*), *goose* (*гусь*, *гусыня*). Кроме упомянутых образов, можно выделить диких птиц *eagle* (*орел*), *pigeon*, *magpie* (*сорока*), *dove* (*голубь*), *owl* (*сова*), *sparrow* (*воробей*), *kite* (*коршун*), *raven* (*ворон*), *parrot* (*попугай*), *swan* (*лебедь*), *thrush* (*дрозд*), *blackbird* (*черный дрозд*), *goshawk* (*ястреб-тетеревятник*), *starling* (*скворец*), *turtle-dove* (*гоблица*). Таким образом, мы видим, что сказочная картина мира английского социума представлена разнообразными орнитонимами. Кроме того, вопреки общепринятому мнению о том, что в первую очередь переосмысливаются имена домашних животных и птиц, которые жили в непосредственной близости от человека, мы видим, что в английских народных сказках очень популярны имена диких птиц. Нередко в сказках используется и обобщающее понятие *fowl* (*птица*, *дичь*) при упоминании большого количества пернатых. В ходе анализа английских сказок также было выявлено, что в них довольно часто встречается гипероним *bird* (*птица*), а также его уменьшительно-ласкательная форма *birdie* (*птичка*, *пташка*). Зачастую после первого упоминания какого-либо конкретного имени птицы в дальнейшем используется гипероним *bird* (*птица*).

Так, в сказках *Mr. Vinegar* «Господин Уксус» и *Jack and his golden snuff-box* «Джек и его золотая табакерка» упоминаются имена таких птиц, как *parrot* (*попугай*) и *eagle* (*орел*), а затем – гипероним *bird* (*птица*). В сказке *Mr. Vinegar* «Господин Уксус» господин Уксус поступил глупо: после покупки коровы выменял ее на волюнку, затем волюнку на перчатки, а в конечном итоге остался с палкой. В конце сказки он повстречал *попугая* (*parrot*), который до-

вольно грубо и зло его высмеял. Более того, речь попугая является кратким пересказом всех злоключений главного героя.

"Mr. Vinegar, you foolish man, you blockhead, you simpleton; you went to the fair, and laid out all your money in buying a cow. Not content with that, you changed it for bagpipes, on which you could not play, and which were not worth one-tenth of the money. You fool, you—you had no sooner got the bagpipes than you changed them for the gloves, which were not worth one-quarter of the money; and when you had got the gloves, you changed them for a poor miserable stick; and now for your forty guineas, cow, bagpipes, and gloves, you have nothing to show but that poor miserable stick, which you might have cut in any hedge."

Таким образом, имя дикой птицы *parrot (попугай)* ассоциируется в английском социуме с такими качествами, как *умный, насмешливый, ироничный*. Поскольку в дальнейшем используется гипероним *bird (птица)*, можно предположить, что ему также предписываются перечисленные качества.

В другой сказке *Jack and his golden snuff-box «Джек и его золотая табакерка»* одним из героев является дикая птица *eagle (орел)*, которая выступает в роли помощника. Орел помогает найти главному герою золотую табакерку и потерянный замок. Благодаря своей силе, он переносит на своей спине главного героя через моря *"the eagle on his journey over the seas, and had to carry Jack on his back."* В сказке орла называют великим *"Well," said the King, "where is the great bird?" They had to wait then for a long time for the eagle to make his appearance."* Можно сделать вывод, что дикой птице *eagle (орел)* свойственны следующие качества: *великий (большой, огромный), сильный, отзывчивый*.

В сказочных текстах имена птиц очень широко используются в качестве символов человеческих душ, а также бессмертия и радости. В ряде английских сказок главные герои перевоплощаются в птиц, иногда такое перевоплощение является следствием колдовства. Так, в сказке *The Rose Tree "Розовое дерево"* маленькая белокурая девочка *"The girl was as white as milk, and her lips were like cherries. Her hair was like golden silk, and it hung to the ground"*, которую из злости и зависти убила мачеха, превращается в прекрасную белую птицу, поющую как ангел в Раю. *"One day the rose-tree flowered. It was spring, and there among the flowers was a white bird; and it sang, and sang, and sang like an angel out of heaven"*. Выбор цвета птицы играет важную роль в этой сказке, поскольку белый цвет является

символом невинности, чистоты и добродетели маленькой девочки. В то же время белый цвет может иметь и негативную коннотацию, являться символом пустоты, ледяного молчания и смерти. Примером этому может служить анализируемая сказка *The Rose Tree "Розовое дерево"*, в которой героиня не простила мачеху, а сделала все, чтобы отомстить ей. В конце мачеха умирает. Добрый конец в английских сказках встречается далеко не всегда, концовки подчас жестокие и резкие. Таким образом, можно выделить следующие качества, присущие гиперониму *bird (птица)*: прекрасно поющая, невинная, мстительная. Как видно, английскому характеру свойственны полярные качества, которые гармонично уживаются в нем. Такое положение вещей не характерно для русской народной сказки. Герои некоторых английских сказок не всегда добродетельны, они способны на месть.

В сказке *Earl Mar's Daughter "Дочь графа Мар"* представлен образ молодого мужчины, превращенного в *sprightly (веселый, игривый) dove (голубь)*. Он навещает свою возлюбленную под видом птицы "*By day a bird, by night a prince.*" Выбор имени птицы не случаен, ведь голубей считают символом любви и страсти из-за их верности. Молодые пары часто называют голубками. Заколдованный принц появляется в сказке не только в виде голубя: для того чтобы выкрасть свою возлюбленную, он просит свою мать-колдунью превратить его сыновей в белых лебедей, а его в ястреба, их предводителя "*and let my seven sons become seven white swans, and let me be a goshawk and their leader*". Герои некоторых английских сказок отличаются предприимчивостью и энергией, чертами характера, которые ценились в Англии, где впервые в мире начали развиваться рыночные отношения. Анализ данной сказки позволил выделить качества имени дикой птицы *dove (голубь)*: веселый, игривый, воркующий, любящий; имени дикой птицы *goshawk (ястреб)*: решительный, сильный.

Литература

1. Плахова О. А. Языковая картина мира английской народной сказки. – М., 2012. 203 с.
2. English Fairy Tales by Joseph Jacobs. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/7439/pg7439.txt>

Лаврентьева Наталья Геннадьевна
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
engl.natalya@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛОЖНЫХ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ В УСТНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается вопрос об особенностях функционирования специальной терминологии в устной профессиональной речи. Исследование основывается на данных, полученных в результате изучения подъязыков экономики, медицины и нанотехнологии. В фокусе внимания оказываются сложные многокомпонентные термины языков для специальных целей.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, языки для специальных целей, терминология, терминологическое словосочетание.

Языки для специальных целей находятся в фокусе большого количества исследований. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает устное профессиональное общение, поскольку в условиях всеобщей глобализации и размывания границ на передний план выходит именно устная коммуникация между специалистами в различных сферах деятельности и отраслях знания. В фокусе внимания данного исследования находится «наиболее развивающаяся часть словарного состава языка по сравнению с другими его частями» [Литвиненко, Дядечко 2007: 142] – терминологическая лексика. Бесконечный процесс познания мира, возникновение новых понятий, открытие новых объектов действительности побуждает язык к обеспечению говорящих на нем людей необходимым количеством слов и выражений, что приводит к постоянному обновлению и неминемому развитию терминологической системы языков для специальных целей.

Невозможно представить себе ни одну отрасль знания без специальной терминологии. Термины составляют значительную часть лексики любого языка для специальных целей и активно используются специалистами как в письменных формах общения, так и в устной коммуникации на профессиональные темы. Цель данного исследования – проследить пути развития и выявить основные наиболее продуктивные модели, по которым образуется терминологическая лекси-

ка, используемая в том числе и в устном профессиональном дискурсе. В. П. Даниленко считает, что «... термины в большинстве своем, как и обычные слова, образуются на базе существующих слов и корней общелитературной и специальной лексики. Среди терминов встречаются все структурные типы слов, которые характерны для данного национального языка (простые слова, производные, сложные слова)» [Даниленко 1977: 89]. В последнее время языки для специальных целей привлекают внимание многих исследователей в силу быстрого развития некоторых отраслей знания в современных условиях. К таким отраслям, на наш взгляд, можно, несомненно, отнести экономику, медицину и нанотехнологии. Терминосистема последней вызывает особый интерес в силу того, что в ней используются понятия и термины из смежных естественнонаучных областей, в частности, из физики, химии, биологии и микроэлектроники. Подробно проанализировав выводы других ученых, занимающихся проблемами терминологии, а также руководствуясь своими собственными наблюдениями, нам удалось выделить наиболее частотные словообразовательные модели, присущие терминологии LSP.

Л. В. Ивина предлагает выделять следующие способы терминообразования: семантический (придание нового смысла общеупотребительной лексике), морфологический (аффиксация, словосложение), синтаксический (формирование терминологических словосочетаний), заимствования слов и словосочетаний: а) из общеупотребительной лексики и других терминосистем; б) из других языков; а также создание аббревиатур [Ивина 2002: 16].

Большинство исследователей прочно склоняются к мысли о том, что наиболее продуктивным способом словообразования в LSP является синтаксический с преобладанием двухкомпонентных субстантивно-атрибутивных терминологических словосочетаний. С. Г. Тер-Минасова на конкретном языковом материале рассматривает вопрос о соотношении типов словосочетаний с функциональными стилями речи. При анализе научных текстов выяснилось, что среди словосочетаний, характерных для данного функционального стиля, на первый план выдвигаются составные двулксемные термины [Тер-Минасова 1980]. Так, согласно результатам исследования базовой экономической лексики подобные терминологические словосочетания составляют 85 % [Худинша 2011: 17], в языке медицины эта группа составляет около 70 % [Васина 2004: 62]. Н. Э. Додонова, рассматривая терминологии различных предметных

областей (экономики, медицины, технических наук, военного дела, гуманитарных наук), приходит к выводу, что для научно-технической терминологии английского языка характерны беспредложные конструкции, то есть в развернутых терминологических словосочетаниях отдается предпочтение препозиции признакового компонента [Додонова 2000]. Обсуждая проблему свободы / связанности терминологических словосочетаний, К. Я. Авербух проводит параллель с фразеологизмами, отмечая, что терминологические словосочетания (ТС) занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами (благодаря способности ТС воспроизводиться в научной речи, когда оно соотносится с одним и тем же специальным профессиональным понятием). Однако природа связанности компонентов ТС понятийная, а не семантическая, как у фразеологизмов [Авербух 2004: 121]. Наблюдения С. Г. Тер-Минасовой показали, что большинство ТС являются несвободными, а категория клишированности принимается за основу [Тер-Минасова 1980]. К наиболее продуктивным моделям образования двухкомпонентных терминологических словосочетаний относятся следующие: N+N (*semiconductor nanostructures, market price, face value*), Adj.+N (*functional proteins, economic good, public company, diastolic preassure*). Около 40 % терминологических словосочетаний образуется по указанным моделям [Васина 2004, Худинша 2011, Фокина 2013]. Среди двухкомпонентных ТС также можно выделить термины, в состав которых входят причастия: PP+N (*advanced bio-analysis, limited company*), PI+N (*processing techniques, borrowing costs*).

Наиболее распространенными моделями трехкомпонентных словосочетаний является N+N+N (*heat capacity ratio*), Adj.+N+N (*current market value*), PI+N+N (*resulting etch structure*). Исследователи также особо выделяют термины, образованные по моделям Compound+Adj.+N (*two-colour photoacoustic method*), Compound+N+N (*double-walled carbon nanotube, joint-stock company*). А. М. Винокуров называет подобные образования «структурно-осложненными композитами», понимая под этим «сочетания трех или четырех основ, первый или второй компонент которых представлен сложным словом» [Винокуров 1994: 28]. Первый компонент подобных образований может быть также представлен антропонимом или топонимом (Anderson Fabry disease, Lake Webegon effect). Четырех и более компонентные модели ТС, в состав которых входят предлоги

(*high volume production capability, dues on imported goods*) также встречаются в LSP, однако они не являются столь продуктивными. Теоретически количество компонентов в ТС может быть неограниченным. Однако, как отмечает К. Я. Авербух, «термин не должен быть ни длинным, ни кратким – он должен быть объективно физически протяженным» [Авербух 2004: 157]. Ученый полагает, что набор синтаксических моделей, по которым строится ТС, невелик, “чаще всего это 12–15 моделей специфичных вообще для LSP и лишь незначительно варьирующихся для какого-либо конкретного подъязыка» [Авербух 2004: 157].

Вторым по продуктивности способом словообразования в LSP является морфологический, а именно словосложение и аффиксация.

Словосложение традиционно считается мощным средством словообразования на протяжении всего развития языка, так как этот способ образования новых слов, как никакой другой, отвечает закону экономии языковых средств. Со временем структурные модели сложных слов претерпевали постоянные изменения: некоторые из них становились менее продуктивными и исчезали из языка, вместе с тем шел постоянный процесс возникновения новых моделей, продуктивность которых возрастала. Так, например, структурный тип V+N был продуктивен в древнеанглийский период (OE *bac-hus* “*bakery*”), структурный тип Ving+N (*wrytynge board* – *writing board*) – в среднеанглийский). Единственной структурной моделью, которая сохранила свою продуктивность всей истории развития английского языка, является модель N+N. Именно этот структурный тип является наиболее распространенным и среди терминологии LSP. Традиционно это объясняется тем, что в английских номинативных единицах, образованных по модели N+N, допускаются самые разнообразные смысловые отношения. Продуктивности данной модели также способствует морфологическая простота английских существительных. Кроме сложных терминов, образованных по модели N+N, определенной долей продуктивности обладают и другие структурные типы, где в качестве второго компонента выступает имя существительное. Приведем примеры словообразовательных моделей сложных терминов на примере подъязыка экономики:

– N+N: *trademark* – торговая марка, *loan-society* – касса взаимопомощи;

Adj+N: *low-income* – малоходный, *long-range* – долгосрочный;

– Num+N: *first-class* – первоклассный, *second-grade* – второсортный;

– Adv+N (в качестве первого компонента выступает наречие “well”): *well-assorted* – имеющий хороший ассортимент, *well-stocked* – имеющий большой запас товаров;

– N+Adj: *brand-even* – безубыточный, *duty-free* – беспошлинный;

– N+Prep.+N: *back-to-back* – компенсационный; *door-to-door* – без посредников; *loss-of-profits* – неприбыльный, убыточный;

– Adv+particle “to” + V: *hard-to-sell* – неходовой, трудно продаваемый; *well-to-do* – состоятельный;

– P I+Prep. +N: *paying-in-slip* – чек, квитанция;

– N+V+ Prep.: *tax-write-off* – налоговая скидка.

А. М. Винокуров называет сложные образования, состоящие из трех и более компонентов «словами-фразами, которые по своей структуре напоминают синтаксические образования, сохраняющие внешние средства синтаксиса, например, предлоги или союзы» [Винокуров 1994: 241]. Структурные образования, образующиеся по моделям словосложения, зачастую возникают прямо в речи в целях синтаксического удобства при оформлении высказывания. О. Д. Мешков называет их «речевыми композитами» [Мешков 1976]. О. Д. Мешков выделяет и другие продуктивные модели образования “речевых композитов”, примеры которых обнаруживаются в языке экономики и других LSP:

1) N + Ver : *price-raiser*;

2) N + Adj: *disease-resistant*;

3) N + P II : *state-controlled, plant-mounted*;

4) N + P I: *quake-forecasting (station), labour-consuming* [Мешков 1976: 167–169].

Аффиксальные единицы, по данным Кэннона [Cannon 1986], составляют 24 % всех новообразований и в незначительной степени уступают сложным словам. Аффиксация может использоваться как для обозначения нового понятия, так и для модификации частей речи. Формально она может принимать форму префиксации, инфиксации и суффиксации. Как отмечает Дж. Сэйгер, большинство суффиксов ведут к изменению частей речи, а большинство префиксов используются для определения [Sager 1996: 3]. Количество аффиксов в LSP действительно велико, так как английский язык активно усваивает слова и словоэлементы, заимствованные из других языков.

Особенно активно заимствования идут на этапе становления терминологии. Преимуществом данного метода, по мнению М. В. Васиной, является то, что новые концепты и изобретения могут быть легко и удобопонятно названы специалистами [Васина 2004].

Как отмечают исследователи научно-технической терминологии и терминологии LSP О. Б. Иванов и М. А. Мартемьянов, продуктивными в интересующей нас группе лексики являются как исконно английские суффиксы: *-ing* (*pumping, counting, crediting*), *-er/or* (*nanosensor, competitor*), *-y* (*anisotropy, currency*), *-ness* (*microhardness, distinctiveness*); так и заимствованные: *-ment* (*complement, employment*), *-ance* (*insurance*), *-(i)ty* (*dispersity, diversity*), *-tion/ation* (*nanofabrication, liberalization*), *-ics* (*economics, nanofluidics*), *-ology* (*nanometrology*), *-sis* (*pyrolysis*) [Иванова 2010, Мартемьянова 2011]. С помощью суффиксов определяется не только категориальная принадлежность соответствующих понятий. Так, например, с помощью суффикса *-(t)ion* выражается процессуальное значение термина: *devirtification* – процесс превращения аморфных твердых тел в кристаллические путем последовательного кристаллографического упорядочения [Мартемьянова 2011: 14]. А суффикс *-or/er* указывает на агента или лицо, выполняющее действие, выраженное одноколенным глаголом: *leasor* – арендатор или съемщик, то есть человек, сдающий или берущий что-то внаем. Интересно отметить, что для образования аналогичных терминов, принадлежащих к одному классу, используются одни и те же элементы слов. Например, *electrode, diode, triode, heptode; plasmatron, magnetron* и другие.

Префиксация также является продуктивным способом словообразования в LSP, причем важно отметить, что присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения. Например, латинский префикс *co-* придает словам значение объединения, совместности действия. Таким образом, термин *coagulation* (коагуляция) означает «слипание коллоидных частиц друг с другом и образование из них более сложных агрегатов», термин *cohesion* (когезия) – «сцепление молекул (ионов) физического тела под действием сил притяжения» ... Префикс *de-* обозначает «отделение, отсутствие, удаление, недостаток» и используется в терминах *delamination* – расслаивание, то есть отщепление слоев в слоистых структурах, *desorption* – десорбция (уменьшение концентрации компонента в поверхностном слое вещества) [Мартемьянова 2011: 13]. Говоря о репродуктивности

префиксов, следует отметить, что она исторически изменчива. Как отмечает И. В. Арнольд, на современном этапе развития языка наиболее продуктивными являются префиксы греческого и романского происхождения: *anti-*, *co-*, *de-*, *counter-*, *extra-*, *re-*, *semi-*, *micro-*, *multi-* и другие [Арнольд 1959: 126]. Например: *antitrust* – антимонопольный, антитрестовский, *coagulation* – коагуляция, *delamination* – расслаивание, *counter-insurance* – перестрахование, *extrapolation* – экстраполяция, *redistribution* – перераспределение, *semiconductor* – полупроводник, *microeconomics* – микроэкономика, *multibank* – многофункциональный банк. Приведем некоторые другие примеры продуктивных префиксов, характерных для подязыков естественнонаучных дисциплин: *ab-* (*ablation*), *ad-* (*adhesion*), *ambi-* (*ambigel*), *de-* (*delamination*), *di-* (*dielectric*), *il-*, *im-*, *in-* (*immobilization*), *inter-* (*intercalation*), *co-* (*coagulation*), *re-* (*recombination*), *sub-* (*subroughness*), *super-* (*supercapacitor*), *supra-* (*supramolecular*), *trans-* (*transmission*), *ultra-* (*ultradisperse*), *ex-* (*exfoliation*), *hyper-* (*hyperthermia*), *dia-* (*diamagnetism*), *para-* (*paramagnetism*), *endo-* (*endocytosis*). Как отмечает М. А. Мартемьянова, в терминологии подязыка нанотехнологий, а также в LSP вообще, проявляется одна из актуальных для современного терминоведения тенденций к интернационализации терминологической лексики путем заимствования терминоэлементов, что можно рассматривать как положительное явление в силу прозрачности ее семантики, что значительно облегчает общение между учеными разных стран [Мартемьянова 2011: 12].

Другим продуктивным способом терминообразования, который по сути своей обладает почти безграничным потенциалом, является аббревиация. Следуя за М. А. Мартемьяновой [Мартемьянова 2011: 19] и И. В. Бушиным [Бушин 1996: 34], можно выделить следующие типы сокращений, встречающиеся в профессиональных языках:

- инициальные буквенные: *nm* (*nanometer*) – нм (нанометр), *NAD* (*nicotinamid adenin–denucleotide*);
- инициальные звуковые: *RT* (*reconstructive tomography*);
- слоговые: *tagamp* (*magnetic amplifier*) – магнитный усилитель;
- сочетание начального слога и слова: *mid* (*middle*) *sagittal line*;
- сочетание начальных звуков основ: *CVS* (*cardiovascular system*);
- усеченные слова: *aut* (*automatic*) – автоматический.

И. В. Арнольд [Арнольд 1959: 185] и Дж. Сэйгер [Sager 1996: 37] также выделяют такой способ словообразования, как стяжение, или контаминация (*blend*), то есть словосложение с элементами усечения: *stagnation+inflation=stagflation*. В качестве компонентов терминов используются также и символы, которые могут быть выражены цифрами или буквами (*ID* – одномерный (линейный), *B cell*, *A substance*).

Говоря о продуктивных типах словообразования, нельзя не упомянуть конверсию, широкая распространенность которой обусловлена особенностями грамматического строя английского языка и его историей. Конверсия применима к образованию глаголов от существительных и прилагательных и к образованию существительных от глаголов. В языках для специальных целей конверсия используется в основном для обозначения терминов, связанных с глагольными понятиями, причем бывает трудно определить, что является производным – глагол или существительное, например, *market*, *supply*, *frame*.

Разнообразные по структуре термины используются как в письменном, так и в устном дискурсе. Нами не были выявлены структурные модели, которые характерны только для того или иного вида дискурса. Однако при устной коммуникации термины получают звуковое оформление, начинают «жить» в потоке речи, приобретая определенные просодические качества. Общение в профессиональной сфере очень часто происходит между специалистами разных стран, для которых английский язык не является родным, а выступает лишь в качестве универсального языка профессионального общения, понятного во всем мире. В современных условиях большой доступности печатной информации специалисты довольно хорошо понимают английские термины, если встречаются их в письменных источниках. Большая часть терминов или напрямую заимствована из латинского или греческого языков, или содержит такие компоненты. Кроме того, английский язык сам по себе является источником пополнения терминологических систем других языков. Однако при необходимости произнести тот или иной термин, фонетически правильно употребить его в потоке речи специалисты зачастую испытывают затруднения. Именно это направление в изучении специальной терминологии представляется сегодня особенно актуальным.

Литература

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. – Иваново, 2004. 252 с.
2. *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка. – М., 1959. 168 с.
3. *Бушин И. В.* Формирование вторичных терминосистем и их специфика (на материале терминологии судебной медицины русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1996. 212 с.
4. *Васина М. В.* Акцентное оформление терминологических словосочетаний в английском медицинском дискурсе (к проблеме русской интерференции): дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2004. 212 с.
5. *Винокуров А. М.* Новые сложные слова в английском языке // Подвижность языковых подсистем. – Тверь, 1994. С. 24–34.
6. *Даниленко В. П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М., 1977. 246 с.
7. *Додонова Н. Э.* Англо–русские соответствия в акцентно–ритмической реализации многокомпонентных терминов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2000. 23 с.
8. *Иванова О. Б.* Динамика становления терминологии новой предметной области (на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. 294 с.
9. *Ивина Л. В., Воронцов В. А.* Терминология венчурного финансирования: Учеб. пособие для вузов. – М., 2002. 255 с.
10. *Литвиненко Г. И., Дядечко А. Н.* Способы словообразования как фактор системности в терминологии (на материале терминов химического машиностроения) // Вісник СумДУ. Серія Філологія. № 1. 2007. Т. 1. С 142–150.
11. *Мартемьянова М. А.* Особенности формирования современных научных технических терминологических систем (на примере терминов нанотехнологий): дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2011. 165 с.
12. *Мешков О. Д.* Словообразование современного английского языка. М., 1976. 245 с.
13. *Гер–Минасова С. Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика: (Общ. и англ. синтагматика составных номинативных групп). – М., 1980. 200 с.
14. *Фокина С. Л.* Акцентуация терминологических словосочетаний в подъязыке нанотехнологий: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2013. 207 с.
15. *Худинша Е. А.* Особенности становления и развитие английских базовых терминов в подъязыке экономики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2011. 21 с.
16. *Cannon G.* Historical changes and English word–formation: New vocabulary items. – New York, 1986. 202 p.
17. *Sager J. C.* Term Formation // Terminology Management. Vol.1: Basic Aspects of Terminology Management. – Amsterdam, 1996. 372 p.

Миловская Наталья Дмитриевна
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
milnatdm@yandex.ru

**О ХАРАКТЕРЕ КОГНИТИВНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ
ПРЕДМЕТНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ СОДЕРЖАНИЙ
В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА
(на материале серий немецких Wortwitz с одинаковым
опорным компонентом)**

Тиражирование когнитивных столкновений предметно-референциальных содержаний одних и тех же ЛСВ полисемантов или одних и тех же омонимов в *сериях* немецких ЯБА с одинаковым опорным компонентом свидетельствует об освоенности данных корреляций немецким этносом, связанной с частичной утратой ими своего юмористического потенциала. Однократное обращение к такого рода когнитивным столкновениям свидетельствует о малой степени их освоенности немецким этносом, что позволяет им сохранять яркий юмористический потенциал.

Ключевые слова: немецкий языковой бытовой анекдот, когнитивное столкновение-осмысление на фоне друг друга, когнитивная корреляция, предметно-референциальное содержание.

Напомним, что в немецком Wortwitz, называемом далее немецким языковым бытовым анекдотом [Миловская 2008, 2011], юмористический эффект генерируют языковые средства, осознанно отбираемые коллективным автором (виртуальным представителем этноса) на основе нестереотипной когнитивной обработки восприятия нелепого из окружающей реальности в конкретных категориях и единицах языка. Иными словами, создание юмористического эффекта в немецком языковом бытовом анекдоте (ЯБА) напрямую связано с воспроизведением в нем определенного «цементирующего» сюжет опорного компонента, создающего за счет своей семантической амбивалентности возможность двойной перспективы интерпретации содержания.

Механизмом создания юмористического эффекта в таком случае является, по нашему мнению, намеренное когнитивное столкновение-осмысление на фоне друг друга различных и несовместимых предметно-референциальных содержаний, «скрывающихся» в одной

звуковой форме (в одном опорном компоненте) и «попеременно просвечивающих» сквозь нее.

Наше понимание механизма создания юмористического эффекта в немецком языковом бытовом анекдоте находится в русле рассуждений ученых [Кестлер 1993] о творческой активности человеческого мышления. Оно не противоречит исследованиям о сознательных и бессознательных процессах комической изобретательности, протекающих как «взаимодействие между двумя взаимно исключаящими ассоциативными контекстами», которые вынуждают «воспринимать ситуацию в то же самое время в двух самостоятельных, но обычно несовместимых рамках отношений» и приводят к возникновению своеобразного «эмоционального разряда» – бисоциативного шока. «Бисоциативный акт означает комбинацию двух различных кодов, остающихся в то же время в нескольких плоскостях», это – «комбинация двух несвязанных познавательных матриц таким образом, что новый уровень добавляется к иерархии, которая содержит первоначально разделенные структуры в качестве своих членов» [Кестлер 1993: 100–101].

Когнитивному столкновению-осмыслению на фоне друг друга различных и несовместимых предметно-референциальных содержаний в немецком ЯБА способствуют опорные компоненты различных типов. Например, опорные компоненты, представленные *полисемантическим словом*. Известно, что в случае полисемии одно и то же слово связывается с несколькими концептами-значениями при условии, что связь эта не случайна, а мотивирована зависимостями концептов и определенным образом моделируется [Никитин 2005: 110]. Переход же от полисемии к моносемии происходит обычно в процессе коммуникации [Ольшанский 2002]. Однако слушающий или читающий как адресат некоторого высказывания при восприятии присутствующего в нем многозначного слова «всегда имеет дело с выбором, поскольку слово как отдельная единица содержит неоднозначное указание на тот сегмент смысла высказывания, который представлен в тексте этим словом, закодирован с его помощью адресантом. При опоре только на языковой код адресат получает указание на ряд смыслов, из которых он должен выбрать для понимания (декодирования) текста» [Литвин 1984: 5]. Понятно, что такое варьирование референции представляет собой благодатную почву для создания юмористических высказываний, где могут использоваться переходы между двумя значениями одного слова как его лексико-семантическими вариантами.

В подавляющем большинстве немецких ЯБА с опорным компонентом-полисемантом реципиенту предлагается дешифровать актуализируемое лишь единожды (только в одном анекдоте) когнитивное столкновение предметно-референциальных содержаний его ЛСВ, «скрыто присутствующих» в опорном компоненте. Такие когнитивные корреляции представляются «свежими», в малой степени освоенными немецким этносом, что позволяет им сохранять яркий юмористический потенциал.

Однако среди немецких ЯБА с опорными компонентами, представленными полисемантическим словом, обращают на себя внимание *serii* анекдотов с одинаковым опорным компонентом, юмористический эффект в которых генерирует одно и то же полисемантическое слово. Так, в ЯБА (1) и (2) юмористический эффект создает столкновение значений ЛСВ 3 *класс (тип вагона, каюты)* и ЛСВ 4 *класс (группа учащихся)*, присутствующих в семантической структуре слова *Klasse*.

(1). «Ein Schüler am Fahrkartenschalter: „Ich hätte gerne eine Fahrkarte nach Bremen.“ – „Welche Klasse?“, fragt der Schalterbeamte. „Klasse 2 c!“». (2). «Ein österreichischer Lehrer wartet seit Stunden mit seinen Schülern aus der 3. Klasse auf dem Bahnsteig. Einen Zug nach dem anderen lässt er passieren, ohne mit seiner Klasse einzusteigen. Schließlich platzt ihm der Kragen: „Den nächsten nehmen wir, egal, auch wenn da wieder nur 1. und 2. Klasse draufsteht!“».

В ЯБА (3) и (4) имеет место столкновение значений ЛСВ 4 *класс (группа учащихся)* и ЛСВ 2 *класс (категория, разряд)*.

(3). «Empört kommt Peter nach dem ersten Schultag nach Hause: „Die ganze Schule ist Schwindel!“ „Aber weshalb denn, Peter?“ „Da steht an der Tür: 1. Klasse, ich guck' hinein und was sehe' ich? Alles Holzbänke!“». (4). «Der Sohn des Lokomotivfahrers kommt vom ersten Schultag nach Haus. „Na, wie war es?“ will die Mutter wissen. „Alles Schwindel und Betrug! An der Türe steht 1. Klasse, aber drinnen sind nur Holzbänke!“».

Как видим, в сюжетах (1) и (2), (3) и (4) налицо факт неоднократного обращения коллективного автора к когнитивному столкновению одних и тех же предметно-референциальных содержаний. С одной стороны, это когнитивная корреляция «класс как тип вагона, каюты» / «класс как группа учащихся», с другой стороны, это когнитивная корреляция «класс как группа учащихся» / «класс как категория, разряд». Тиражирование их столкновения-осмысления на фоне друг друга в нескольких сюжетах ЯБА подчеркивает освоенность и узнаваемость этих корреляций немецким этносом, которые в определенной степени связаны с утратой ими своего юмористического потенциала.

В языковом бытовом анекдоте (5) имеет место столкновение значений ЛСВ 6 *раздел, отделение, класс* и ЛСВ 4 *класс (группа учащихся)*, присутствующих в семантической структуре слова *Klasse*. (5). « Der Lehrer unterrichtet die Klasse in Biologie. „Die Wirbeltiere werden in verschiedene Klassen unterteilt.“ „Ach“, unterbricht ihn Karlchen, „müssen die auch in die Schule?“». Когнитивное столкновение-осмысление предметно-референциальных содержаний «класс как раздел, отделение» / «класс как группа учащихся», эксплицируемых в опорном компоненте *Klasse (Klassen)*, представлено только в одном ЯБА. Этот факт свидетельствует, на наш взгляд, о том, что данная когнитивная корреляция, находящаяся на периферии коллективной юмористической памяти немецкого этноса, но получившая осмысление в ЯБА, отмечена печатью новизны, создает яркий юмористический эффект.

В немецком языковом бытовом анекдоте когнитивное столкновение-осмысление на фоне друг друга различных и несовместимых предметно-референциальных содержаний могут эксплицировать и опорные компоненты, представленные *омонимами*. В современной лингвистике омонимами принято считать единицы языка, не связанные друг с другом по содержанию, но имеющие тождественную звуковую форму [Балли 1961]; тождественные слова и словоформы, формально совпадающие, но расходящиеся по смыслу [Ахманова 1986; Малаховский 1990]; любые языковые единицы, включая и графемы [Маслов 1998]. Таким образом, к омонимам относят слова и словоформы, совпадающие по своей звуковой и/или графической форме, однако не обнаруживающие в синхронии никакой семантической деривационной связи. Семантическая связь омонимов с различными и удаленными предметно-референциальными областями на фоне тождества их звуковой формы является той причиной, по которой они редко сталкиваются в границах одного гомогенного не(!)юмористического текста. Однако немецкие омонимы оказываются весьма привлекательными для коллективного автора в ЯБА, поскольку действительно способствуют созданию юмористического эффекта.

В немецких ЯБА с опорным компонентом, представленным омонимом, как правило, реализуется также лишь единожды актуализируемое когнитивное столкновение предметно-референциальных содержаний, «скрыто присутствующих» в опорном компоненте. Однако среди немецких ЯБА с опорными компонентами-омонимами также зафиксированы *серии* анекдотов с одинаковым опорным компонентом, юмористический эффект в которых генерируют одни и те

же омонимы. Например, ЯБА (6) и (7) ставят реципиента перед когнитивной задачей осмыслить семантику опорного компонента *Kater*, в котором зашифрованы два значения ¹*Kater* = männliche Katze и ²*Kater* = schlechte körperliche und seelische Verfassung nach [über]reichlichem Alkoholgenuss [DU 2001]. Отсылая к различным предметно-референциальным областям сообщения, они формально звучат тождественно, чем и вводят в заблуждение реципиента анекдота. (6). ««Mein Vater ist ein Zauberkünstler!» “Ehrlich?” “Ja, abends geht er mit dem Hund aus dem Haus und am nächsten Morgen kommt er mit einem dicken *Kater* zurück!»». (7). «Fritzchen: „Warum betrinken Mäuse sich nicht?“ Alex: „Weil sie Angst vor dem *Kater* haben!“». Понятно, что значительное удаление предметно-референциальных областей сообщения, к которым «приписаны» полные омонимы ¹*Kater* и ²*Kater*, делает столкновение-осмысление их значений на фоне друг друга в рамках одного гомогенного сюжета ЯБА достаточно неожиданным для «дисциплинированного» человеческого мышления [3].

Однако в ЯБА (6) и (7) особенно интересным для нас вновь представляется факт неоднократного обращения коллективного автора к когнитивному столкновению одних и тех же предметно-референциальных содержаний männliche Katze / schlechte körperliche und seelische Verfassung nach [über]reichlichem Alkoholgenuss. Обращение в сюжетах разного содержания к когнитивной корреляции, порождаемой ими, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что она в процессе юмористического творчества немецкого этноса постепенно обретает статус излюбленного и освоенного эксплицируемого омонимии ментального столкновения, постепенно утрачивающего свой первоначально изрядный юмористический потенциал.

В сюжете (8) коллективный автор экспериментирует со значением сложной опорной лексемы *Muskelkater*, имеющей интересующую лексему *Kater*– в своем составе . (8). «Die Katze in der Aerobic-Schule: „Stimmt es, dass wer hier mitmacht, morgen einen Muskelkater bekommt?“». В узусе лексему *Muskelkater* сопровождает одно значение durch Verhärtung der Muskeln auftretende Schmerzen nach [ungewöner] körperlicher Anstrengung [DU 2001]. При этом ее второй структурный компонент *-kater* восходит к разговорному варианту от *der Katarr* (от *Katarrh*).

На лексему *Muskelkater* проецирует свой жизненный и языковой опыт героиня данного ЯБА (особа женского пола, к тому же *Katze*). При этом она переосмысливает ее содержание на основе соотношения второго структурного компонента *-kater* со значением männ-

liche Katze, что с неизбежностью приводит к формированию в лексеме *Muskelkater* нового окказионального целостного значения *männliche Katze mit entwickelter Muskulatur*.

В отличие от персонажа анекдота реципиенту, осведомленному о том, что действие происходит in der Aerobic-Schule, открывается и параллельная возможность интерпретации лексемы *Muskelkater* в рамках совершенно другого семантического кода. Для него юмористическое осмысление данного ЯБА оказывается связанным со столкновением-осмыслением значений окказиональных полных слов-омонимов *Muskelkater = durch Verhärtung der Muskeln auftretende Schmerzen nach [ungewonter] körperlicher Anstrengung / Muskelkater = männliche Katze mit entwickelter Muskulatur*. Когнитивное столкновение-осмысление этих двух взаимоисключающих предметно-референциальных содержаний *männliche Katze mit entwickelter Muskulatur* и *Verhärtung der Muskulatur*, эксплицируемых опорным компонентом *Muskelkater* в результате разнонаправленного, стандартного и нестандартного осмысливания ее содержания, представлено только в одном ЯБА. Этот факт свидетельствует об эксклюзивности и малой степени освоения данной когнитивной корреляции немецким этносом в процессе его юмористического творчества.

Подведем итог.

Среди немецких ЯБА с опорными компонентами, представленными полисемантическим словом или омонимами, обращают на себя внимание *serii* анекдотов с одинаковым опорным компонентом.

В сериях немецких ЯБА с одинаковым опорным компонентом-полисемантом или с одинаковым опорным компонентом-омонимом может иметь место *многократное обращение* коллективного автора к когнитивному столкновению предметно-референциальных содержаний одних и тех же ЛСВ полисемантов или одних и тех же омонимов. Установленное тиражирование их когнитивного столкновения подчеркивает узнаваемость и легкость дешифровки таких корреляций немецким этносом, что в определенной мере связано с утратой ими своего юмористического потенциала. Однократное обращение коллективного автора к когнитивному столкновению предметно-референциальных содержаний ЛСВ полисемантов или омонимов свидетельствует о том, что такая корреляция, извлеченная с периферии коллективной юмористической памяти немецкого этноса, представляется «свежей», в малой степени освоенной немецким этносом, сохраняющей яркий юмористический потенциал.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь омонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1986. 448 с.
2. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 355 с.
3. *Кестлер А.* Дух в машине // *Вопр. философии.* 1993. № 10. С. 93–122.
4. *Литвин Ф. А.* Многозначность слова в языке и речи. – М.: Высш. шк., 1984. 119 с.
5. *Малаховский Л. В.* Теория лексической и грамматической омонимии. – Л.: Наука, 1990. 235 с.
6. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1998. 272 с.
7. *Миловская Н. Д.* Семантика комического. Языковой бытовой анекдот (на материале немецкого языка). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 137 с.
8. *Миловская Н. Д.* Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Иваново, 2011. 40 с.
9. *Никитин М. В.* Полисемия на пределе: (Широкозначность) // *Язык. Человек. Общество: междунар. сб. науч. тр.: (К 60-летию проф. В. Т. Малыгина).* – СПб.; Владимир, 2005. С. 110–130.
10. *Ольшанский И. Г.* Функциональные аспекты исследования полисемии // *Лексика и лексикография.* – М.: Отд. лит-ры и яз. РАН, 2002. Вып. 13. С. 90–96.
11. *Deutsches Universalwörterbuch.* Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Duden-verlag, 2001.

Москалева Светлана Игоревна

Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
svet.moskaleva@mail.ru

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ОПОРНОГО КОМПОНЕНТА КАК ИСТОЧНИК НЕНАМЕРЕННОГО НАРУШЕНИЯ КООПЕРАЦИИ В НЕМЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ БЫТОВЫХ АНЕКДОТАХ

На материале немецких языковых бытовых анекдотов рассматриваются ситуации некооперативного коммуникативного поведения, основанные на ненамеренном нарушении принципа кооперации одним из участников интеракции. Ненамеренно принцип кооперации в речевом общении

нарушается вследствие непонимания, возникающего между коммуникантами. Источником ненамеренного нарушения кооперации может служить окказиональное варьирование значения опорной лексемы, происходящее за счёт нейтрализации потенциальных сем.

Ключевые слова: некооперативное коммуникативное взаимодействие, ненамеренное нарушение кооперации, непонимание, опорная лексема, окказиональное варьирование лексического значения, нейтрализация сем.

Немецкий языковой бытовой анекдот (Wortwitz) [Миловская 2008] представляет собой зафиксированное в тексте коммуникативное взаимодействие говорящих субъектов, которое развивается по некооперативному пути.

Под некооперативным коммуникативным поведением понимается речевая дисгармония, основанная на несоответствии коммуникативных действий адресата ожиданиям адресанта. В результате этого возникает непонимание между коммуникантами, что свидетельствует о ненамеренном нарушении принципа кооперации в речевом общении.

Смысл языкового бытового анекдота заключён в той или иной *опорной лексеме*, в которой обыгрывается «семантический потенциал слов и фразеологических выражений». Смеховая реакция реципиента зависит от успешности / неуспешности декодирования семантики опорной лексемы [Миловская 2008: 18].

Источником создания ситуаций некооперативного общения в немецких языковых бытовых анекдотах может служить окказиональное варьирование лексического значения опорной лексемы, происходящее за счёт нейтрализации потенциальных сем.

В рамках коммуникативного подхода лексическое значение предстаёт как структура. Как справедливо отмечается в лингвистической литературе, «слово в речи имеет конкретную референцию, смысл, отражающий соотносённость с определённым референтом в ситуации конкретного речевого акта. Вследствие этого в семантике слова в речи появляются компоненты не только собственно языковые, но и ситуативно значимые, речевые» [Семантические вопросы 1991: 24].

Очевидно, что в коммуникативной ситуации релевантными оказываются не все компоненты значения, а лишь некоторые, так как ни в одной коммуникативной ситуации в коммуникативную задачу говорящего не может входить передача информации обо всех признаках предмета сразу, существенных и несущественных одновременно. В конкретном акте речи актуализируется только та часть

значения, которая включает компоненты, необходимые для реализации коммуникативной задачи говорящего [Стернин 1985, 1997].

Компоненты значения слова в речи М. В. Никитин [Никитин 1988] предлагает группировать в *интенционал* и *импликационал*.

Интенционал представляет собой содержательное ядро лексического значения, структурированную совокупность семантических признаков, определяющих данный класс денотатов. При этом наличие этих признаков является обязательным для сущностей данного класса.

Импликационал лексического значения, по мнению лингвиста, образует совокупность имплицитных признаков/потенциальных сем, представляющих собой периферию, информационный потенциал лексического значения. Если интенционал составляет неперемную постоянную часть значения имени, то импликационал – его обусловленный и варьирующийся в контекстах элемент.

Всякая актуализация значения представляет собой *коммуникативное варьирование значения* по составу входящих в его структуру компонентов. Такой вид варьирования лексического значения слова принято называть *семным варьированием* [Стернин 1985: 104; Миловская 2006: 89].

Коммуникативный анализ слова предполагает наблюдение за вариативностью значения в конкретном речевом акте. Вариативность значения выражается в его способности выступать в зависимости от коммуникативной установки говорящего с разным набором коммуникативно релевантных для данного речевого акта семантических компонентов. Поскольку интенционал является обязательным структурным компонентом лексического значения слова, а импликационал – лишь вероятностным компонентом, актуализируемым контекстом, то вариативность значения слова в речи связана с импликационалом.

В акте коммуникации одни семы «утрачиваются и нейтрализуются», другие прибавляются, возникают вновь, третьи семы качественно преобразуются [Девкин 1979: 235].

Рассмотрим на примере ситуаций некооперативного коммуникативного поведения, зафиксированных в немецких языковых бытовых анекдотах, окказиональное варьирование лексического значения опорной лексемы, происходящее за счет нейтрализации в сознании одного из участников интеракции потенциальных сем.

(1) “Sie haben mir zwei *Hausbesuche* in Rechnung gestellt, Herr Doktor, aber Sie waren doch nur einmal bei mir,” reklamiert der Patient. “Das stimmt so nicht,” erwidert der Doktor, “erinnern Sie sich denn nicht mehr, dass ich noch einmal zurückgekommen bin, weil ich meinen Regenschirm vergessen hatte?”

Ядерной лексемой в данном языковом бытовом анекдоте является имя существительное *Hausbesuch* в форме множественного числа *Hausbesuche*. Семантическую структуру лексемы *Hausbesuch* можно представить в виде следующего набора компонентов: 1) *Besuch* (приход) 2) *den ein Arzt* (врача) 3) *seinem Patienten* (к пациенту) 4) *zu Hause abstattet* (домой) 5) *zum Zweck einer ärztlichen Untersuchung* (с целью врачебного осмотра). Первые четыре компонента составляют содержательное ядро лексического значения опорной лексемы *Hausbesuch* (интенционал), а пятый компонент – семантический признак жёсткого импликационала.

Из описываемой в приведённом примере ситуации ясно, что речь идёт о посещении врачом своего пациента на дому. Следовательно, в информационный потенциал лексического значения ядерной лексемы *Hausbesuch* входит также такой компонент / импликациональный признак, как *zum Zweck einer ärztlichen Untersuchung*. В сознании адресанта (пациента) актуализируются как ядерные, так и периферийные компоненты значения контекстообразующей лексемы *Hausbesuche*. В представлении пациента врач должен не просто прийти к нему домой, но и, по крайней мере, осмотреть больного. Но в сознании адресата (врача) актуализируются только ядерные компоненты значения лексемы *Hausbesuche*. Сема жёсткого импликационала *zum Zweck einer ärztlichen Untersuchung* нейтрализуется. Посещением пациента на дому врач считает уже сам факт своего прихода без медицинского осмотра. Именно поэтому пациент получил счёт за два визита врача, в том числе и за тот визит, когда врач заходил к нему, чтобы забрать свой забытый зонт. Подобный тип речевого взаимодействия адресанта и адресата следует охарактеризовать как некооперативный, поскольку наблюдается расхождение речевых партнёров в понимании, что приводит к недоразумению по поводу сложившейся ситуации.

Таким образом, комический эффект в данном языковом бытовом анекдоте возникает за счёт ошибочной нейтрализации в сознании адресата сем жёсткого импликационала при сохранении денотативной отнесённости слова.

(2) „Angeklagter, Sie behaupten also, dem Kläger nur *Tomaten* an den Kopf geworfen zu haben. Wie erklären Sie sich dann aber die Beulen an seinem Kopf?“
„*Die Tomaten* waren noch in Dosen, Herr Richter!“

Участниками зафиксированного в данном языковом бытовом анекдоте коммуникативного взаимодействия выступают судья (адресант) и обвиняемый (адресат). Опорным компонентом является имя существительное *die Tomate* в форме множественного числа *die*

Tomaten. В семантическую структуру опорной лексики *die Tomate* входят следующие компоненты: 1) *die Gemüsepflanze* (овощное растение) 2) *mit runden Früchten* (с плодами круглой формы). Эти интенциональные семантические признаки подлежат обязательной актуализации в акте коммуникации, поэтому их присутствие наблюдается в сознании как адресанта (судьи), так и адресата (обвиняемого).

Предметом судебного разбирательства, как видно из приведенного контекста, стал тот факт, что обвиняемый бросил в потерпевшего томаты и попал ему в голову. Однако адресант недоумевает по поводу того, почему потерпевший получил в результате этого повреждения головы. Ответная реплика адресата вносит ясность в описываемую ситуацию: томаты были в банках. Таким образом, адресат (обвиняемый) дополняет интенционал лексического значения опорной лексики *die Tomaten* импликациональным семантическим признаком *in Dosen* (в банках). Однако в сознании адресанта (судьи) изначально наблюдалась нейтрализация данной потенциальной семы, что, в свою очередь, привело к непониманию им описанной адресатом (обвиняемым) ситуации. Непонимание между собеседниками способствует развитию коммуникации по некооперативному пути и, вместе с тем, создает комический эффект.

Таким образом, нейтрализация импликациональных семантических признаков опорной лексики служит в проанализированных примерах источником ненамеренного нарушения кооперации. В частности, в ситуациях некооперативного речевого общения в сознании одного из коммуникантов может наблюдаться нейтрализация сем импликационала при сохранении денотативной отнесённости слова, в то время как в сознании другого коммуниканта актуализируются как ядерные, так и периферийные компоненты значения ядерной лексики. Нейтрализация сем импликационала создаёт предпосылки для возникновения непонимания между собеседниками, что, в свою очередь, способствует комическому осмыслению всей ситуации, описываемой в языковом бытовом анекдоте.

Литература

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. 254 с.
2. Миловская Н. Д. Семантика комического. Языковой бытовое анекдот. (На материале немецкого языка). – Иваново: Изд-во Ивановский государственный университет, 2008. 137 с.
3. Миловская Н. Д. Семные трансформации актуализированного значения ядерной лексики и создание комического эффекта в немецком языковом

- анекдоте // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение. Сб. статей. Вып. 4. – Иваново: ИГАСУ, 2006. С. 89–97.
4. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. 165 с.
  5. Семантические вопросы словообразования. Производящее слово. – Томск: Изд-во Томского университета, 1991. 272 с.
  6. *Стернин И. А.* Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. С. 82–87.
  7. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 170 с.

Павлова Алла Эдуардовна

Костромской государственный университет
им. Н. А. Некрасова
г. Кострома, Россия
Alla0826@yandex.ru

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ О СЧАСТЬЕ
В БАЛЬЗАМИНОВСКОЙ ТРИЛОГИИ И КОМЕДИИ
«ПРАВДА – ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ»
А. Н. ОСТРОВСКОГО**

Статья посвящена изучению фразеологических единиц в аксиологическом аспекте в драматических произведениях А. Н. Островского: «Праздничный сон – до обеда», «Свои собаки грызутся – чужая не приставай», «Зачем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзамина»), «Правда – хорошо, а счастье лучше». В результате сопоставительного анализа аксиологической фразеологии в комедиях А. Н. Островского выявляются базовые культурные ценности, а также декодируется картина мира автора и персонажей. Аксиологическая коннотация ключевых фразеологизмов, возникающая как результат раскрытия ассоциативно-образного основания фразеологизмов, позволяет понять авторские ценностные ориентиры.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеологическое поле, аксиологический аспект изучения, комедии, А. Н. Островский.

Система ценностей, выражаемая в художественном мире, позволяет определить те духовные вехи и опоры, без которых невозможно полноценное духовно-нравственное развитие как отдельной личности, так и общества в целом. Художественный мир А. Н. Островского про-

низан ценностными отношениями на всех уровнях драматического произведения. Аксиологически значимы у А. Н. Островского названия его пьес: «Бедность не порок», «На всякого мудреца довольно простоты», «Правда – хорошо, а счастье лучше» и др.; значимы и характеры героев произведений, что часто выражается при помощи «говорящих» имен, фамилий ряда персонажей пьес А. Н. Островского: Фелицата «счастье», Поликсена «пчелка» (имя ассоциируется с ульем, домом, семьей), Сила Грознов и др.; показательны и жизненные ориентиры персонажей, являющиеся основой зарождения конфликтов в пьесах, как их диалектическое соотношение и противопоставление. Таким образом, аксиологический аспект исследования может быть представлен как на уровне содержания, так на уровне формы произведения как проявление авторской индивидуальности.

Наиболее ярко индивидуальность осмысления проявляется в употреблении аксиологической лексики и фразеологии, что позволяет лексико-фразеологическим средствам на уровне сюжета, композиции и других экстралингвистических факторов реализовать свою художественно-образительную функцию. Фразеологизмы усиливают оценочность, экспрессивность, динамичность повествования, способствуют проявлению метафорических и аксиологических смыслов, эмотивных коннотаций, используются для акцентирования различных сторон содержания, служат средством создания комических ситуаций, участвуют в сатирическом обличении персонажей. Лексика и фразеология пьес драматурга объединяется разнообразными системными связями, что служит раскрытию важнейших сторон идейно-тематического содержания его произведений. Многие ФЕ в тексте драматических произведениях А. Н. Островского, прежде всего, такие, которые наиболее отчетливо отрефлексированы в сознании носителей языка как базовые метафоры и устойчивые сравнения, экспрессемы эксплицируют глубоко закодированный внутренний мир автора, его интенции, представляют нравственные ценности и антиценности.

В пьесах А. Н. Островского все герои мечтают о счастье, но каждый из них по-своему понимает счастье. Обращение к анализу корпуса фразеологических единиц балзаминовского цикла и комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше» позволяет в сопоставительном аспекте рассмотреть понятие «счастье» как высшей ценности человека и декодировать авторскую позицию.

Главный герой пьес «Праздничный сон – до обеда», «Свои сабаки грызутся – чужая не приставай», «Зачем пойдешь, то и най-

дешь» («Женитьба Бальзаминова») М. Бальзаминов мечтает о «семейном счастье», мечтает выгодно жениться и стать богатым, а значит, счастливым. В начале комедии «Женитьба Бальзаминова» он говорит: «... маменька, вы рассудите сами, в нашем деле **без счастья** ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только **будь счастье**. Вот уж правду русская пословица говорит: **«Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив...»**. О счастье главного героя рассуждают все: мать Бальзаминовна, кухарка, сваха – поэтому значительная часть фразеологизмов трилогии образует лексико-фразеологическое поле *счастье*. ФЕ с компонентом *счастье* образуют ядро данного поля: *счастье выйдет; Говорят, и грибы искать – счастье нужно; а уж невест и подавно; Кому бог пошлет, того и счастье; В нашем деле все от счастья; А у нас все от случая, все от счастья; Кому удастся, того и счастье; Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив; Дуракам бог счастья дает* и др. Источником происхождения данных аксиологических фразеологизмов явились, в первую очередь, такие области культуры, как народные традиции, верования, представляющие осмысление счастья в объективном значении, основанном на наблюдениях людей не одного поколения и представленном в пословицах в качестве обобщенного опыта. Следует отметить, что компонент *счастье* данных ФЕ в контексте пьес синонимичен компоненту *случай* (ср.: *А у нас все от случая, все от счастья*), что соответствует представлению о том, что счастье человеку дается свыше: счастье не зависит от человека, а обусловлено благоприятным стечением обстоятельств, дается ему судьбой, богом [Багаутдинова, Байрамова 2006: 54].

Основой развития сюжета становится различное отношение персонажей к возможности Бальзаминову составить счастье, что представлено через скрытую полемику пословиц. В самом начале пьесы Бальзаминова сомневается в непреложности истины, заключающейся в пословице: *«Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно не всегда так бывает»*. Ключевым фразеологизмам пьес *Говорят, таким-то бог счастье дает* (см. ФЕ *бог даст* как выражение надежды на благополучный исход дела), *Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив* противопоставлены ФЕ *очень бог обидел* в реплике *«Умишком-то его очень бог обидел»*, *«Видит собака молоко, да рыло коротко»* и др.

В контексте пьес ключевые ФЕ *Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив*, *За чем пойдешь, то и найдешь* трансформируются автором: происходит двойная актуализация и прямое значе-

ние фразеологизмов вплетается в ткань комедии: неумный и некрасивый Бальзаминов все-таки становится «счастливым», но «счастливым» в его понимании, так как находит богатую невесту. Бальзаминов действительно находит то, что искал (см. пословицу, взятую в качестве названия третьей пьесы, которая также подвергается автором двойной актуализации, «*За чем пойдешь, то и найдешь*») – это деньги, именно поэтому все богатые невесты ему кажутся красавицами. В финале пьесы «Женитьба Бальзамина» возникает такой диалог между матерью и сыном: «*Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем*». Бальзаминов: «*Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно*». Здесь вновь повторяются ключевые ФЕ, при этом их прямое значение выступает на первый план. Звучит нравственный приговор духовной нищете «маленького человека», происходит полное самораскрытие героя, который демонстрирует подмену истинных ценностей ложными, когда понятие счастья искажается в его сознании.

Как отмечает исследователь творчества А. Н. Островского А. И. Журавлева, из характера Бальзамина драматургом был вынут главный стержень – мечта о «трудовом хлебе», и поэтому «начинается безудержное падение, комедийное, даже водевильное снижение «маленького человека»: вырывается наружу его духовная нищета, его мещанский вкус, убожество мечтаний, невежество» [Островский. Энциклопедия 2012: 42]. В контексте трилогии происходит усложнение смысловых связей между языковыми значениями ключевых фразеологизмов «с культурной семантикой «языка» культуры», а также ценностными и антиценностными установками культуры, что позволяет выявить аксиологическую картину мира самого драматурга [Телия 1996: 23]. Благодаря тонкой языковой игре, основанной на противопоставлении семантики фразеологизма, столкновении его значений на общем культурном фоне, возможно декодирование ценностных установок драматурга.

Понимание счастья также представлено в пьесе А. Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше»: счастье для главных героев, представляющих молодое поколение, Платона Зыбкина и Поликсены, – это семейное счастье, основанное на взаимной любви, на чистых, правдивых отношениях; счастье для героев старшего поколения – Мавры Тарасовны и Барбошева – это материальное благо-

получие. Здесь движущий конфликт пьесы Островского определяется, в первую очередь, столкновением жизненных ориентиров, жизненными процессами переоценки ценностей. Особое аксиологическое значение приобретает пословичное название пьесы. Данный фразеологизм в тексте занимает сильные позиции – начала текста, название произведения, и финала пьесы, когда снова повторяется в речи Мавры Тарасовны. Именно данный фразеологизм представляет ценности и антиценности героев.

Платон. Вот она *правда-то*, бабушка! Она свое возьмет.

Мавра Тарасовна. Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не случай тут один, так *плакался бы ты с своей правдой* всю жизнь. А ты вот как говори: *не родись умен, а родись счастлив* – вот это, миленький, вернее. *Правда – хорошо, а счастье лучше*.

Так, для персонажей старшего поколения пословица используется в значении «собственное благополучие дороже правды», что проявляется в реплике Мавры Тарасовны (см.: *не очень уж ты на правду-то надейся и плакался бы ты с своей правдой всю жизнь*). С другой стороны, употребление данной ФЕ неоднозначно, так как происходит совмещение фразеологического значения и его прямого значения как его внутренней формы. В результате этого в пьесе данный фразеологизм одновременно с тем приобретает значение «правда хорошо, а счастье, основанное на истине, лучше, как высшая форма проявления правды», которое осознается представителями младшего поколения, например Платоном Зыбкиным. ФЕ *не родись умен, а родись счастлив*, обращенная к Платону в качестве назидания со стороны Мавры Тарасовны, реализует народное понимание счастья, связанное с удачей, везением.

Действительно, на первый взгляд, здесь так же, как и в Бальзаминовской трилогии, счастье влюбленных – дело случая: смекалка и расторопность няньки Фелицаты приводят к счастливому финалу, однако, так же, как и в пьесах про Бальзаминоva, случай – это не просто стечение обстоятельств, а то, что заслужили герои: Платон Зыбкин – своей нравственной чистотой, Поликсена – верностью, а Бальзаминов – постоянными поисками материального «счастья». Поэтому в финале пьесы «Женитьба Бальзаминоva» пословица *За чем пойдешь, то и найдешь*, являющаяся ее первым названием, представляет метафорический смысл: если будешь стремиться к хорошему, хорошее и обретишь; а если будешь стремиться к дурному – дурное и получишь.

Таким образом, аксиологическая коннотация ключевых фразеологизмов, возникающая как результат раскрытия ассоциативно-образного основания фразеологизмов через соотнесение их с культурно-национальными стереотипами посредством актуализации внутренней формы в текстовом пространстве, включения в художественно-образную систему, выстраивания новых контекстуальных связей и взаимоотношений, позволяет также понять авторские ценностные ориентиры. Для А. Н. Островского на первый план выдвигаются ценности духовные: счастлив тот человек, которые наделен высшими благами и ценит добро. Состояние счастья создается мудрым поведением человека, наделенного нравственными качествами такими, как великодушие, терпение, совестливость.

Литература

1. Багаутдинова Г. А., Байрамова Л. К. Аксиологическая фразеология о счастье // Учён. Зап. Казан.ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Казань, 2006. С. 53–67.
2. А. Н. Островский. Энциклопедия. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. 660 с.
3. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: 1999. С 13–25.

Румянцева Елена Васильевна

Военно-космическая академия им.А.Ф. Можайского
г. Ярославль, Россия
elenar_19@mail.ru

ПОЛИФОНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТЕКСТА АФОРИЗМА В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются вопросы восприятия и интерпретации, изоморфизма текстов различного плана выражения и плана содержания. Обосновывается модель дискурсивного афористического текста, способствующего процессу диалога и созданию полифоничности текстовых структур. Динамика любого текста обусловлена тем, что он представляет собой наиболее сложную единицу, способную к качественно новым преобразованиям, являющейся феноменом семантической природы.

Ключевые слова: газетный афоризм, прецедентный текст, изоморфизм, дискурсивная модель, полифоническая концепция, интертекстуальность.

Объектом исследования является газетный афоризм, поскольку он включен в коммуникативную цепь «писатель – текст – читатель», а выявление его потенциала в процессе восприятия и толкования, как представляется, в первую очередь зависит от его интерпретации. Важным является замечание Н. М. Фортунатова: «... поэтика, сделав шаг вперед, отказавшись от взгляда на литературное произведение как на замкнутое в себе имманентное языковое построение, должна неизбежно сделать и следующий шаг, признав, что эта эстетическая структура не только общественно и исторически обусловлена, но обусловлена также и особенностями читательского восприятия» [Фортунатов 1968: 191].

Вопросы восприятия художественного текста, творческой компетенции отправителя и получателя текста, в той или иной мере, продолжают исследоваться в работах Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Рифатера, Э. Фрей и др., выделяющих синтаксический стиль восприятия текста, осмысление синтаксических структур и образного стиля, идентификацию и установление взаимосвязи образов, идей, значений и др.

Традиционно-лингвистический анализ позволяет отметить, что при чтении художественных текстов и их отдельных фрагментов особую роль занимают особо «опознаваемые» строки, часто цитируемые вне художественного текста. В этой связи особо опознаваемыми строками выступают газетные афоризмы (ГА), определяемые как прецедентные (аутентичные) тексты (ПТ). Интерпретация афоризма представляется как читательская активность восприятия, информированность читателя. С этой целью исследуется газетный афоризм в качестве ПТ, представляющий собой вид изоморфного текста. Согласно теории изоморфизма текста, уровень знаков и уровни каждого из планов языка (плана выражения и плана содержания), организованы существенно сходным образом, поэтому перенос понятий, используемых в одной структурной схеме осуществляется в разных структурных схемах. Иначе говоря, художественный текст в его первоначальном статусе в дальнейшем становится дискурсивной моделью текста ГА, т. е. является основой для реализации нового дискурса. В этом случае изоморфной формой текста ГА становится форма прецедентного текста, благодаря дискурсу газетной коммуникации. Это отражается следующим образом: текст (вербальное воплощение автора) + VS – текст художественный + VS –

афоризм + VS – газетный афоризм + VS – прецедентный текст + VS – трансформированный текст + VS – (etc.).

Вслед за Ю. Н. Карауловым, включения, цитаты из литературного источника именуется прецедентными текстами (ПТ). Их узнаваемость имеет большое значение для выразительности всего текста. Примерами ПТ выступают известные афоризмы из Библии, произведений классиков мировой, античной литературы и др. Цитирование афоризмов рассматривается как «передача чужих слов и обсуждение их», как – «одна из основных тем человеческого общения» [Бахтин 1986]. «Чем интенсивнее, дифференцированное и выше социальная жизнь говорящего коллектива, тем больший удельный вес среди предметов речи получает чужое слово, чужое высказывание как предмет заинтересованной передачи, обсуждения, истолкования, оценки, опровержения, поддержки, дальнейшего развития и т. д.» [Там же]. Через афористический текст идет диалог между автором и читателем. Читатель мысленно сравнивает не авторов и их творческий метод, а тексты и их смысл / семантику. Диалог идет через «вербализованные следы» «чужого голоса», занимающие когерентные позиции в конкретных текстах. Процесс диалогизации идет на уровне афористического текста, в котором уже присутствует «чужой голос». Полифоническая концепция текста, предложенная М. М. Бахтиным и В. Н. Волошиным, в основе которой лежит теория «другого», «чужого голоса», т. е. собеседника, адресата, без которого не может быть реализована коммуникация, и благодаря которому она осуществляется, остается важной и значимой в вопросах, связанных с изучением текстового материала. Необходимо добавить, что художественный текст особенно не терпит деформации, искажений, он должен присутствовать в том же виде, в котором был создан автором (писателем). Его внутренняя, смысловая целостность, связность логическая, референциальная, тематическая, структурная организация служит основой для функции – передачи и хранения информации, а его идиоматичность имеет смысловую природу, помогающую приращивать информацию, смысл, значение. Динамика любого текста обусловлена прежде всего тем, что текст – феномен семантической природы. В этой связи нам кажется вполне оправданным, что текст наиболее сложная единица и имеет способность к качественно новым преобразованиям. Сопоставляя художественный текст и дискурсивную модель афористического текста, можно сказать, что художественность есть продолжение и развитие смысловой коммуникативной функции. Основой любого художественного тек-

ста, дискурсивной модели текста является его новизна, имплицитность (приращение смыслов), экспрессивность, эмоциональность, эстетическое воздействие и назначение, реализующиеся через образные (тропические) возможности слова. При изучении ГА дефиниция «прецедентный текст» выступает как наиболее емкая к определению «афористический текст». Так, Ю. Н. Караулов трактует «прецедентный текст» как: прецедент от латинского – идущий впереди, предшествующий, выделяя: 1) значимое для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях; 2) имеющее сверхличностный характер, т.е. хорошо известное широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; 3) обращение, которое возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

«Прецедентные тексты можно было бы назвать хрестоматийными в том смысле, что если даже они не входят в программу общеобразовательной школы, если их даже там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, прочитав ли их сами или хотя бы понаслышке» [Караулов 1987: 216]. При всем многообразии подходов к феномену прецедентности исследователи едины в определении его функциональной природы. Прецедентный текст – это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Базирующийся на явлении эйфории (оживление накопленного культурного опыта по одной детали), прецедентный текст воспринимается грамотным, посвященным реципиентом не линейно, а во всем комплексе смыслов, ассоциаций и коннотаций. Прецедент – это «случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» [Словарь иностранных слов: 1978]. ПТ представляет собой некий факт (в самом широком смысле слова), обладает образцовостью (служит эталоном, примером) и императивностью (на его основе следует моделировать последующие действия).

В исследовательской программе «Изоморфизм текста» немаловажным является установление наличия включения, идентификация его источников и понимание интекста как двунаправленной единицы, в которой взаимодействуют исходный и принимающий контексты. Теория интертекстуальности, применимая к области художественного текста, вполне уместна и для анализа газетного текста. В сфере интертекстуальности выделяются как правило два вида «включенности» одного текста в другой: это «текст в тексте» (ТТ) (Ю. М. Лотман), «прецедентный текст» (Ю. Н. Караулов). Данным понятиям близки другие наименования, такие как «интертекст»

(Р. Барт), «интекст» (П. Х. Тороп), «включения» (И. В. Арнольд). Все они являются включениями в разные тексты и контексты. Несмотря на различия в их трактовке, они могут выступить как синонимичные понятия. Р. Барт определяет: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, добавляемых без кавычек» [Барт 1989]. В ходе творческой эволюции восприятие текстов меняется. Существует, например, понимание «гипертекста» как текста, фрагменты которого снабжены определенной системой выявленных связей с другими текстами [Фатеева 2006]. Или «сверхтекст» как совокупность высказываний, текстов, ограниченная и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определена позициями адресанта и адресата (Н. А. Купина, Г. В. Битецкая и др.). В целом понимание прецедентного интекста в работах Ю. Ю. Саксоновой определяется как языковой афоризм сверхтекста определенной языковой культуры, вживленного в ткань художественного произведения [Саксонова 1994: 214]. Таким образом, понятия интертекст / интекст / сверхтекст и др. являются понятиями прегнантными, т. е. вбирающими в себя признаки смежных понятий из художественной области и нехудожественной, вследствие чего они способны концентрировать общий смысл и в то же время переход из одной формы в другую. Это позволяет говорить о том, что тексты становятся понимаемыми в разных дискурсах, как в художественных, так и нехудожественных. Обобщение признаков соседствующих сфер информационного пространства может быть «прочитано» как текст единого «интертекста», который в свою очередь служит предтекстом любого появляющегося текста. «Интертекстуальное» рассматривается как «великий интертекст» культурной традиции данного социума» [Степанов 1981: 617]. Рассматриваемые афоризмы как тексты прецедентного характера отличаются интертекстуальностью, художественной интерпретацией и максимально конденсированным презентантом. Отметим, что сам феномен прецедентности еще не получил окончательного определения, в связи со

сложностью и динамичностью его понятийного аппарата. В этой связи выделяются несколько уровней прецедентности: автопрецедентные, социально-прецедентные, национально-прецедентные тексты [Красных 2006]. Каждый из них характеризуется своей собственной семантикой. Группа автопрецедентных ГА (феноменов), выделяется известностью современному представителю социума и входят в его когнитивное пространство. В то же время распространены социально-прецедентные феномены, их инвариантами являются сакральные тексты ГА. Говоря о прецедентности, необходимо заметить, что ГА представлен как ПТ и прецедентное высказывание (ПВ). Причем, текстовые и интертекстуальные феномены являются с точки зрения ученых (Гудков, (1997); Кронгауз, (1995); Прохоров, (2004) и др.) в большей степени дискурсивными единицами, а не языковыми единицами, в связи с устойчивой и регулярной воспроизводимостью, их вербальным выражением в процессе коммуникации. По нашим наблюдениям, наиболее употребительны газетные афоризмы в качестве универсальных прецедентных текстов – социальные, политические, этнокультурные, тенденциозные, комические и др. афоризмы. Особую роль они выполняют в тексте, так как именно они способны породить ассоциации, аллюзии. При таком понимании прецедентности, как элемента дискурса, можно считать прецедентные тексты и прецедентные высказывания как цитацию, а в некоторых случаях как аллюзию (от латинского *allusio* – шутка, намек), «намек посредством сходно звучащего слова или упоминание общественного реального факта, исторического события, литературного произведения, либо реминисценцию (от позднелатинского *reminiscentia* – воспоминание) ... смутное воспоминание, отголосок» [СЭС 1981: 617]. Данные прецедентные тексты обладают рядом признаков: маркированность / немаркированность, эксплицитность / имплицитность, контекстуальность / имманентность, утвердительность / полемичность, что позволяет выявить их модусы «текста в тексте». ПТ могут совпадать или не совпадать с текстом источника в лексико-грамматическом и структурно-семантическом отношениях. Все эти признаки, на наш взгляд, отнесены ко всем прецедентным феноменам. Рассмотрим практику реализации прецедентных газетных афоризмов в соответствии названных моментов.

Ср.: Мыслью, следовательно, существую (Декарт). Столичная жизнь 22.03.12; Кто ясно мыслит, тот ясно и излагает. (Буало). Время 11.10.13; Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия (А.С.Пушкин); АуФ 14.04.12; Глаголом жгги сердца людей (А.С.Пушкин). Столичная жизнь. 16.10.11; Любви все возрасты покорны (А.С.Пушкин).

АиФ 15.04.13; И жить торопится, и чувствовать спешит. (Вяземский). И 28.04.11; Слова принадлежат веку, а мысли векам. (Н.М.Карамзин). АиФ.06.04.11; От великого до смешного один шаг. (Наполеон). АиФ 25.03.12; Жизнь без начала и конца. Нас всех подстерегает случай (А. Блок). И15.02.11; Никто не забыт, ничто не забыто. (О. Берггольц). Новое поколение 10.06.13.

Приведенные примеры подтверждают статус ГА как прецедентного текста / высказывания в качестве репродуцируемого фрагмента художественного текста, его цитаты. Данные афоризмы представляют законченную и самодостаточную единицу, обладающую предикативностью, модальностью. Газетные афоризмы в качестве изоморфной формы ПТ абстрагируются от текста автора, что приводит к его образности. Многократное использование литературно-художественного ПТ влечет за собой частичное / полное забвение автора-создателя, или произведения, из которого цитируется данное выражение. Необходимо отметить, что художественный текст выделяется и запоминается, особенно стихотворная, рифмованная строка и служит в основном для кодирования информации. Но при использовании цитаты ПТ как газетного афоризма получаем обратный процесс, т.е. при помощи художественного ПТ в качестве фрагмента газетного дискурса информация способна раскодироваться (декодироваться) и стать более доступной, понятной, так как идет процесс обратного развертывания. В целом идет процесс функционального употребления афоризма с целью выполнения определенных задач, и первая из них – отчуждение цитаты и превращение ее в общелитературное, общеречевое средство, которое обладает полифоническим звучанием, отражающим различные значения.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы; Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 1987. 263 с.
4. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДТК Гнозис, 2006. 270 с.
5. *Саксонова Ю. Ю.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст культура. – Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
6. *Словарь иностранных слов / под ред. О. С. Ахмановой и Е. А. Уилсон.* – М.: Русский язык, 1978. 730 с.

7. Степанов Ю. С. Интертекст и некоторые современные расширения лингвистики // Языкознание. Взгляд в будущее. – Калининград, ФГУ ИТП “Янтарный сказ”, 2002. С. 100–105.
8. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981.
9. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертент в мире текстов. – М.: Агор, 2006. 374 с.
10. Фортунатов Н. М. Творческий процесс и читательское восприятие // Содружество наук и эталоны творчества. – М., 1968. С.191–217.

Третьякова Ирина Юрьевна

Костромской государственной университет
им. Н.А. Некрасова
г. Кострома, Россия
trirfr@mail.ru

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПАРЕМИЙ (коммуникативно-прагматический аспект)

Исследование посвящено описанию процессов преобразования русских пословиц в коммуникативно-прагматическом аспекте. Представлены различные окказиональные варианты пословиц как результат структурно-семантических изменений устойчивых фраз. Выявляется обусловленность трансформаций пословиц различными авторскими интенциями.

Ключевые слова: окказиональные преобразования пословиц, авторские интенции, окказиональная фразеология.

Непременным атрибутом динамического состояния системы языка является речевое варьирование единиц, в том числе фразеологических и паремических. Вариантность относительно устойчивых сочетаний слов и предложений обусловлена в первую очередь коммуникативно-прагматической направленностью самого языкового процесса, различными интенциями коммуникантов. Именно целевая направленность речи диктует авторам текстов, участникам речевого общения необходимость выбора тех или иных языковых единиц и употребления их в узуальной либо речевой, окказиональной форме.

Пословицы – как яркие, выразительные единицы языка – обладают значительными преобразовательными возможностями, активно трансформируются в речи. Многочисленные примеры модификаций русских пословиц (далее РП) представлены в словаре «Ан-

типословицы русского народа» [Вальтер, Мокиенко 2005]. Узуальная и окказиональная вариантность паремий, виды трансформаций, взаимосвязь и взаимообусловленность модификаций пословиц с их структурно-семантическими, грамматическими особенностями получила широкое освещение в работах Е. И. Дибровой [Диброва 1979], В. Т. Бондаренко [Бондаренко 1995].

В настоящей статье рассматривается вариативность пословиц в аспекте коммуникативно-прагматическом, с позиции обусловленности трансформаций паремий интенциями говорящих.

С той же позиции были представлены авторские интенции, направленные на преобразование внутреннего и внешнего плана фразеологических единиц (далее ФЕ) в [Третьякова 2011]. Среди основных целей трансформации фразеологизмов называются конкретизация семантики относительно ситуации употребления или контекста, экспликация значения ФЕ, интенсификация (усиление или уменьшение степени проявления характеризующего признака), изменения оценки, двойная актуализация значения фразеологизма.

Вызывает научный интерес исследование авторских интенций, направленных на трансформацию русских пословиц, выявление сходства и различий модификации языковых устойчивых единиц с позиций прагматики. Пословицы и фразеологизмы, несмотря на наличие общих признаков, тем не менее существенно различаются во внутренней и внешней организации. В отличие от ФЕ, не являющихся самостоятельными синтаксическими единицами, русские пословицы – это предикативные единицы замкнутого типа. Синтаксическое «несовпадение» ФЕ и РП также поддерживается на уровне семантики. Пословицы – это своего рода сентенции, выражения, содержащие нравоучительный смысл, употребляющиеся, как правило, в виде суждений, передающие «коллективную» оценку, взгляд народа на ту или иную жизненную ситуацию. Такое различие фразеологизмов и пословиц играет роль в процессах трансформации языковых знаков, в их преобразовательной активности.

Выявление трансформационных возможностей РП в данной работе осуществлено на примере известной пословицы *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* ('в чужой, иной, неподходящей среде, месте, сфере деятельности не устанавливают, не вводят свои порядки, правила, обычаи'). Данная устойчивая фраза характеризуется спецификой организации внутренней структуры. Пословица обладает изоморфизмом значения и формы [см. Мелерович, Мокиенко 2008: 175-212], компоненты пословицы репрезентируют от-

дельные элементы значения. В семантике пословицы наблюдается противопоставленность элементов, проявляющаяся в оппозиции компонентов *чужой – свой*. Эти компоненты являются ключевыми и, как правило, не подлежат замене. Основные трансформации касаются компонентов *монастырь, устав*, причём прием расширения компонентного состава практически не используется, так как в структуре пословицы компоненты *монастырь* и *устав* уже реализовали свою грамматическую валентность – сочетанием с компонентами *чужой – свой* соответственно.

1. Экспликация значения

Окказиональные компоненты-экспликаторы вводятся в состав РП посредством замены компонентов, при этом окказиональный компонент репрезентирует часть семантики или отдельные элементы значения РП. Экспликация значения связана с попыткой автора неметафорическим языком передать смысл метафорического знака.

1.1. Компонент *устав*, репрезентирующий элементы значения ‘порядки, правила, обычаи’, при экспликации замещается окказиональными компонентами, соотносящимися с элементами значения: *порядки, правила, обычаи, законы, устои, советы* и под.

В чужой монастырь со своими *правилами* не ходят (ua.all/biz/). В чужой монастырь со своими *привычками* (analytique.md/). Со своими *порядками* в чужой монастырь (archive.kiev1.org/). В чужой монастырь со своими *устоями* (bea-ele.blog.ru). Я люблю всех на земле, но только когда они живут в своей стране и не лезут со своими *законами* в чужие страны (vk.com/id11629494). Занялся бы правами индейцев, а не лез бы со своими *советами* в чужую и враждебную для него страну (rususa.com/forum/).

1.2. Компонент *монастырь* соотносится с элементом общего значения пословицы ‘среда, место, сфера деятельности’. Экспликация этих сем окказиональными компонентами вполне возможна в соответствии с общими принципами экспликации значений, без нарушения семантической либо грамматической валентности: Не стоит в чужом *месте* доставать свой *устав* (vk.com/id909837794).

Следует заметить: экспликация значения паремий – явление нераспространённое, что скорее всего связано в функциями пословиц – выражать оценочные суждения именно посредством метафорического обобщения.

2. Конкретизация значения пословицы.

Окказиональные компоненты-конкретизаторы вводятся в компонентный состав с целью «вписать» пословицу в контекст для

характеристики конкретной ситуации. Активным заменам подвергаются два компонента – *устав* и *монастырь*.

2.1. Компонент *монастырь*, соотносящийся с семами общего значения пословицы ‘среда, место, сфера деятельности’, замещается окказиональными конкретизаторами, называющими место, среду, сферу жизнедеятельности человека, в которых происходит нарушение правил существования, обычаев, традиций; ряд окказиональных заместителей состоит из слов, объединённых интегральной семой ‘место пребывания человека’: *монастырь* – *страна, дом, семья*, а также *район, сквер, конюшня, огород* и под.

Не надо лезть в чужую *страну* со своими обычаями и навязывать их принявшим тебя, как гостя (disput.Az.Forum). Европарламент лезет со своим уставом в *Россию* (km.ru/news/). Со своим уставом не надо соваться в *наш дом* (moskva.bezformata.ru/). На чужой *митинг* со своими плакатами (stv-media.ru).

2.2. Компонент *устав* соотносится с элементами значений пословицы ‘порядки, правила, обычаи’. Конкретизация значения РП касается вполне определённых ситуаций, правил, порядков, устоев, законов, обычаев и т. п. Однако круг окказиональных лексем выходит далеко за рамки слов, находящихся в парадигматических отношениях с замещаемым пословичным компонентом. При трансформациях, направленных на конкретизацию значения, существительное *устав* ассоциативно соотносится с разными существительными, называющими предметы, явления, способные нарушить существующее положение дел в конкретной сфере.

Компонент *устав* связан с общей идеей текста (речи) или со словами-заместителями компонента *монастырь* в каждом конкретном случае трансформации. См.: *устав* – *зубы, трамваи, деньги, пряники, тариф, школы, плакаты* и др.

В чужой *монастырь* со своим *фотоаппаратом* (veramolodih.ru/). Со своими *пряниками* в чужой *монастырь* (kommersant.ru). В чужой *монастырь* со своими *трамваями* (afanasy.biz/news/). Со своим уставом в чужой *огород* (starichki.ru.news/). Непонятно, зачем тащиться в чужую *страну* со своими *школами?* (moemnenie.org/). В чужой *район* со своим *тарифом* (поворот.ru/). В чужой *сквер* со своими *деньгами* (mk.tula.ru/).

2.3. Конкретизация значения в редких случаях может происходить и посредством замены адъективного компонента: *С исламским уставом* в чужой *монастырь* (yaplakal.com/forum1/).

3.4. Конкретизация значения осуществляется через внутреннюю перестановку компонентов-оппозитов *свой-чужой* (ролевая инверсия). При подобной модификации в пословице происходит су-

щественный семантический сдвиг: *в свой монастырь с чужим уставом не ходят* ('в собственном доме, в привычном месте не следует использовать, применять чужие правила, законы жизни'). На основании ролевой инверсии могут происходить и дальнейшие трансформации, конкретизирующие значение РП.

С *чужим уставом в свой реактор?* (rg.ru/2014/06/28/). Не лезьте в *свой монастырь с чужими уставами!* (blognews.am/rus/news/16116/)

3. Интенсификация значения пословицы осуществляется посредством сложного приёма – контаминации (объединения двух и более языковых устойчивых единиц). При контаминации выявляется синкретизм интенций – направленность на достижение нескольких целей, в частности, в приведённом ниже примере – на интенсификацию и на конкретизацию значения. См. трансформ *не лезь со своими замашками в чужую бутылку*, образованный на базе ФЕ *лезть в бутылку* ('споря, ссорясь, упорствовать, упрямо настаивать на своём, на своих порядках, представлениях о нормах, правилах, предпочтениях') и пословицы *в чужой монастырь со своим уставом не ходят*, получивший в контексте значение 'споря, ссорясь, упорствовать, настаивая на своих предпочтениях, правилах, отвергать все иные взгляды'.

Следует заметить, что РП довольно часто трансформируются различными способами с целью интенсификации значения, однако таким модификациям подвергаются обычно те паремии, значение которых связано с характеристикой действий, состояний, способных градуироваться – изменять интенсивность действий или меру, степень выраженности признака. Именно на интенсификацию действия направлена замена компонента *идти (не ходят)* лексемами *лезть, соваться, припереться*. Глагольный компонент *не ходят* соотносится с элементами общего значения РП 'не устанавливают', 'не вводят'. Следует сказать, что данная пословица относится к кругу паремий, входящих в общелитературный язык, её компоненты сохраняют связь с омонимичными свободными лексемами не только на уровне семантики, но и на уровне коннотации. Паремия содержит в коннотации элемент негативной оценочности. При употреблении пословицы говорящий предупреждает, что если кто-либо не послушается совета и поступит неправильно, будет плохо. Оценочность в данном случае связана с выражением умеренной экспрессии – неодобрения. Однако во многих ситуациях речевого общения говорящие усиливают степень экспрессивности, интенсифицируют образное действие. Самой частотной трансформацией, направленной на глагол, является замена компонента *(не) ходят* лексемой *лезть*. Слово *лезть* в

свободном употреблении имеет значение ‘проникать с силой куда-либо; приставать, назойливо стремиться что-либо сделать’. Прямое значение компонента влияет на общее значение паремии. Следует также учесть, что глагол *лезть* употребляется в составе пословицы в разных грамматических формах: *не лезь, не надо лезть, не лезу* и др., свободно включается в соответствующий контекст в разных модальных планах.

При изменении компонентного состава пословица приобретает добавочный смысл: *в чужой монастырь со своим уставом не лезут* – ‘в чужой, неподходящей среде, обстановке не стоит с напором требовать, назойливо приставать с тем, чтобы всё выполнялось по-твоему’. Компонент *лезть* является разговорным, содержит большой заряд экспрессии. Смотри за своей страной и *не лезь* в чужую страну со своими советами (point.md/ru/novosti/).

Ещё более экспрессивными, с повышенным выражением интенсивности действия являются варианты пословицы с окказиональным компонентом *соваться* (‘вмешиваться назойливо, стремиться принять активное участие в чём-либо, хотя такое участие неуместно, не одобряется окружающими’). Со своими уставами *не надо соваться* в наш дом (moskva.bezformata.ru/)

См. также сходный эффект при замене глагольного компонента просторечной лексемой *припёрлись* (*припереться* – ‘прийти без приглашения, вызвав большое неудовольствие хозяев’); слово относится к группе грубой, просторечной лексики и вносит в коннотацию пословицы яркую негативную оценочность, экспрессивность. С киевлянами на равных дискутирую, хотя вопросы там достаточно принципиальные. Я же не говорю им, что они *припёрлись* с чужим уставом в свой монастырь (socionik.org/forum).

Наблюдение за процессами и результатами модификаций пословиц с позиций коммуникативно-прагматических выявляет явное преобладание конкретизации значения паремии, что обусловлено естественным желанием говорящих метафорически охарактеризовать конкретную ситуацию, выявить в конкретной ситуации типические черты и – через пословицу – использовать народное («общественное») мнение для усиления собственной позиции, собственной оценки происходящего.

Литература

1. Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: дис. ... докт. филол. наук. – Тула, 1995.

2. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005.
3. *Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов на/Д.: Изд-во РГУ, 1979.
4. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.
5. *Третьякова И. Ю.* Оказиональная фразеология: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.

Хуснутдинов Арсень Александрович
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Россия
arsen1418@mail.ru

Хуснутдинова Александра Арсеньевна
89106875846@mail.ru

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА ЛИЧНОСТИ

В статье характеризуются основные черты, определяющие своеобразие фразеологического лексикона личности. Отмечается, что фразеологические лексиконы личности при всей индивидуальности каждого не имеют принципиальных отличий, что дает возможность разработать единые принципы лексикографического описания фразеологии, которые можно использовать при создании авторских фразеологических словарей. Единообразие параметров и приемов описания позволяет определить и индивидуальность фразеологического лексикона каждой личности.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, фразеологический лексикон личности, авторская лексикография, словарь.

Описание языка отдельной личности составляет особое и весьма активно развивающееся направление в отечественном и зарубежном языкознании. Показательна в этом отношении актуализация теоретических и практических исследований в рамках авторской (писательской) лексикографии. Результаты исследований отражены в многочисленных теоретических работах и словарях последнего времени (некоторые работы см. в прилагаемом списке литературы).

Фразеология в лексиконе языковой личности и особенности использования фразеологических единиц в текстах различных типов

и жанров привлекали внимание исследователей уже на этапе становления фразеологии как науки, эта тема актуальна и в наши дни, о чем свидетельствуют многочисленные исследовательские и лексикографические работы. Обобщение результатов указанных выше исследований и наши собственные наблюдения позволяют говорить о возможности установления степени соотносительности фразеологического лексикона отдельной личности с фразеологией языка по всем параметрам, по которым описывается фразеологическая единица как особая единица языка, и – на этой основе – описания специфических черт фразеологии каждой языковой личности.

Фразеологический лексикон отдельной личности не имеет принципиальных отличий от фразеологии языка в целом. Это касается не только узуального (стандартного) употребления фразеологических единиц в устной и письменной речи, но и в случае трансформированного (нестандартного) использования фразеологии. Поэтому можно говорить лишь об индивидуальности фразеологии каждой отдельной языковой личности. Индивидуальность фразеологии носителя языка проявляется: в объеме фразеологического лексикона (количестве фразеологических единиц в словарном запасе); в составе фразеологических единиц (объеме и соотношении разных пластов фразеологии в лексиконе личности – фразеологии книжно-литературной, разговорно-литературной, просторечной и диалектной); в тематике и содержании текстов и контекстов (шире – речевых ситуаций), в которых используются фразеологические единицы; в предпочтении тех или иных способов трансформации фразеологизмов. Индивидуальность фразеологии личности может проявляться как на уровне отдельных единиц, так и отдельных параметров (формы, значения, грамматических и др. свойств).

Индивидуальность фразеологического лексикона носителя языка обусловлена: исторической эпохой и социально-географическими условиями жизни человека; уровнем образования, воспитания и социально-культурным окружением; сферой коммуникации (широтой круга профессионального и непрофессионального общения, разнообразием речевых ситуаций); особенностями тематики и жанровым (в широком смысле) своеобразием письменных и устных текстов автора; «идеологией» человека (системой идей, представлений, понятий, взглядов и т. п., характеризующих автора как индивидуум и как личность, выступающую как представитель определенной социальной группы, какой-либо общности); авторским замыслом, мотивацией и целевыми установками, определяющими содержание и форму порожд-

даемых текстов; разнообразием увлечений и интересов личности («хобби»); языковым «чутьем» и креативностью автора и др.

Фразеологический лексикон языковой личности, независимо от того, является ли эта личность писателем (мастером слова) или обыкновенным носителем языка, объективно и полно может быть описан в специальном – авторском – словаре. Однотипность языкового материала (фразеологический корпус языка личности) и отсутствие принципиальных отличий во фразеологическом лексиконе разных людей указывает на возможность описания фразеологии человека на основе единых принципов, т. е. на возможность создания проекта такого авторского словаря, на основе которого было бы возможным описать фразеологический лексикон любого человека.

В качестве иллюстраций к изложенным выше положениям приведем несколько примеров из речи коренного сельского жителя Ивановской области, показывающих некоторые особенности соотношения фразеологии отдельной личности с фразеологией языка и степень индивидуальности фразеологического лексикона информанта (примеры даются в лексикографически обработанном виде).

БОГ НАВСТРЕЧУ кому, модальн., обл. Пожелание счастливого пути, удачи, успеха в каком-либо деле. # Ну, **бог навстречу**, поезжайте. *Шибко* <машину> не гони, на пять минут ведь только раньше приедешь. # Ну что ж, если можете, то давайте, ребята, делайте. **Бог вам навстречу!** # Не согласен я с тобой, но если ты уверен, то **бог навстречу**, давай так попробуй <сделать>. 📖 «Ангел встречу, привет на пути» [Даль, т. 1, с. 16].

БЕ'ЛЬМЫ НАЛИТЫ'Е у кого, глаг.-пропоз., прот., неодобр. Кто-либо пьян, выпил много спиртного, напился. О состоянии опьянения, когда человек перестает контролировать ситуацию и свое поведение. # Малов-то разве поедет, алкоголик чертов! **Бельмы-то уже налитые**. – Ср.: **БЕ'ЛЬМЫ НАЛИТЬ**, глаг. сов., прот., неодобр.

ВАЛЯТЬ ДУРАКА', глаг., прот. 1. несов. Праздно проводить время, бездельничать. # Все уж в Ведрове на колхозном поле роют <картошку>, а мы **валяем дурака**. – Синоним: **БИТЬ БАКЛУ'ШИ**, глаг. несов. разг. 2. **СВАЛЯТЬ ДУРАКА'**, сов. Сделать глупость; поступить не так, как следовало бы поступить. # Ну, ты это, мать, **дурака сваяла!** Кто так делает?! 📖 «**ВАЛЯТЬ** [ломать, корчить] **ДУРАКА** [ваньку]. <...> 2. Делать глупости; поступать не так, как следует. <...> 4. **ВАЛЯТЬ ДУРАКА** [ваньку]. Праздно проводить время, бездельничать» [ФСРЯ, с. 55]. «**ВАЛЯТЬ ДУРАКА (ДУРОЧКУ)**. <...> 2. Поступать глупо, неразумно; делать глупости. <...> 4. Праздно проводить время, бездельничать» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 62].

ВЫ'ЙТИ ИЗ КУ'РСА, глаг. сов. Забыть, оставить мысль о ком-либо или о чем-либо. <В ответ на реплику: «Я вот пойду и скажу ему, что в курсе

всех его дел».> *А вот бы стукнуть тебя по шебале <по голове>, чтобы ты вышел из курса и не совался куда не просят.* – Ср.: **В КУРСЕ кто**, адъект. **ВВОДИТЬ В КУРС кого**, глаг. несов.

ЁК-КОВЫРО'К, междом., обл. Выражение недовольства, досады, огорчения и т. п. # **Ёк-ковырок!** Чё наделал! # **Вот это перец!** Весь рот, ёк-ковырок, горит. Чем бы заесть. # Крыса в бане дыру прогрызла, ёк-ковырок! Надо заделывать, а то париться нельзя будет. # **Опять забыл, ёк-ковырок!** # **Не засчитали нашим гол, ёк-ковырок!**

КАК ЗЮ 'ЗЯ, адверб., прост., неодобр. или презр. Очень сильно (пить, напиваться, быть пьяным). # *Ведь в последнее время Николай Иванович пил как зюзя.* # *Он сейчас, наверное, как зюзя пьяный.* # *Вина <на столе> было много и всякого, вот он и напился как зюзя.* ☞ «**КАК ЗЮЗЯ**. Прост. Презр. О сильно пьяном человеке» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 268–269]. «**Зюзя, з'юзила** об. человек мокрый, промокший в одежде насквозь, из-под воды или из-под дождя; || плакса, рева, рюмила, слезливый || пьяный, насосавшийся как губка; вообще пьяница, пьяношка; у кого язык, от хмелю, коснеет || дрянной человек, плохой; вялый разиня. *Он пьян, как зюзя. Зюзя зюзей. Промок как зюзя. Вывалялся в грязи, зюзя зюзей!*» [Даль, т. 1, с. 698].

КУСА'ТЬ ЛО'КТИ, глаг. несов., разг. Досадовать, сожалеть о непоправимом, упущенном. # *Может, <за отходами зерна> сейчас ехать? Потом ведь локти кусать будем, если дождь пойдет!* **ОБКУСА'ТЬ ЛО'КТИ**. # *Вот Вениамин, он все локти обкусал.* «*Нива*» *ведь в рассрочку раньше давалась. И что не купил? Вот теперь езди на велосипеде.* **ПОКУ'СЫВАТЬ ЛОКОТКИ'**. # *Фурина, чай, теперь покусывает локотки.* *Медикам теперь зарплату повысили. Работала бы на одном месте – 500 рублей получала бы.* ☞ «**КУСАТЬ <СЕБЕ> ЛОКТИ**. Досадовать, сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном» [ФСРЯ, с. 218].

ЛОМА'ТЬ СПИ 'НУ и **ЛОМА'ТЬ РУ'КИ**, глаг. несов., разг. Заниматься чем-либо, требующим много физических усилий, большого физического напряжения. Обычно о деле, которое можно и легче сделать, используя специальные приспособления, технику и т. п. # *Спину ломать не будем. Я договорился с косилкой в Сосновце.* # *Да пошто нам спину ломать?! Не вытолкнем <из грязи> мы этот «уазик» никогда! Надо за трактором идти.* # *Да ладно тебе руки ломать!* Главное, раскидали <навозные> кучи <на картофельном поле>. *А крушни <комья> трактор разобьёт.* # *Что ты руки ломаешь? Надо голову ломать, а не руки! Не додуматься, что можно доски подложить?!* ☞ «**ЛОМАТЬ СПИНУ**. Прост. Экспрес. Трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой»; «**ЛОМАТЬ РУКИ (ПАЛЬЦЫ)**. Разг. Экспрес. Не скрывать чувство горя, отчаяния (выражая его жестами)» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 358].

МУ'ХИ ЛЕТА 'ЮТ над кем, глаг.-пропоз., разг., ирон. Кто-либо очень сильно пьян. # *Ой-ёй-ёй! Какие мухи над вами летают!* Видать, посидели вы у Олега хорошо. Значит, завтра косить не поедем. Похмеляться будем. – Ср.: **ПОД МУХОЙ**, адъект., разг.

С ПЯТОГО НА ДЕСЯТОЕ, *адверб., разг., пренебр.* **1.** Плохо, кое-как, небрежно; не так, как следовало бы (делать что-либо). # *Что ты?! Не видишь, что всё тут с пятого на десятое сделано?! Это не работа! # И чё там в правительстве делается? Всё делают с пятого на десятое.* **2.** Немного, только кое-что, не всё (знать). # *Не важно, чему ты учился, а важно, что ты знаешь и умеешь. Раз у тебя высшее образование, знать должен, пусть с пятого на десятое, хоть вот Чехова.* **«С ПЯТОГО НА ДЕСЯТОЕ.** **1.** Бессвязно, непоследовательно, пропуская подробности (рассказывать, сообщать, говорить и т. п.). <...> **2.** Кое-как, беспорядочно, небрежно (делать что-либо). <...> **3.** Кое-что, небольшое (слышать, знать, понимать и т. п.)» [ФСРЯ, с. 374].

РУКА' В РУ'КУ, *адверб., разг.* В полном согласии, дружно (жить). # *Командир был старше меня на год. Жили мы с ним рука в руку.* # *В Советском Союзе все нации жили рука в руку. И про национализм никто ничего не знал.* **«РУКА В РУКУ.** **1.** Взявшись за руки (идти, двигаться, гулять и т. п.). <...> **2.** Вместе, как единомышленники (действовать, жить и т. п.)» [ФСРЯ, с. 395]. «*Рука в руку, дружно. <...> Они плутуют рука в руку. <...> Живут рука в руку, душа в душу*» [Даль, т. 4, с. 109–110].

СТА'ТЬ В ПЕ'НЬ, *глагол. сов., прост.* Оказаться в состоянии, когда невозможно двигаться, делать что-либо от физической усталости. # *Свинью четверо мужиков тащили со двора. Так все в пень стали, двинуться не могли с места, такая тяжелущая была туша.* **«СТАТЬ В ПЕНЬ.** Устар. Прийти в крайнее затруднение» [ФСРЯ, с. 454]. «*Стал в пень*» [Даль, т. 3, с. 29].

СЧЁ'Т НЕ БЕРЁ'Т кого, чего, *неопр.-колич., обл.* Очень много, в большом количестве. # *Залеток у Шаравариной счёт не берёт, вон сколько.* # *А денег у Валентины Павловны счёт не берёт!*

ТОПОРА' НА' НОГУ НЕ УРО'НИТ, *адекват., прост.* Ничего не сделает в ущерб себе; не упустит своей выгоды. О ком-либо. # **«Топора на ногу не уронит»** говорят про того, кто чё бы ни делал, а своего не упустит, кто про свою выгоду никогда не забывает. # *Ну, что Олег! Пупсик топора на ногу не уронит!* **«На свои руки топора не уронит»** [Даль, т. 4, с. 417].

ПОД ЭГИ'ДОЙ кого, чего, *адверб.* **1.** книжн. Под защитой, под покровительством кого-либо, чего-либо. # *Что значит под эгидой? Под прикрытием, значит, под защитой тоже. Вон говорят: «Под эгидой ООН». Чай, знаешь, эгида – щит такой, у греческой богини.* **2. чего, прост.** Под видом, под предлогом чего-либо. # *Я ведь у Гели под эгидой <ловли> крота паданцы под яблонями собирал.* # *Олег под эгидой грибов <под видом грибника> картошку колхозную проверял, выкопал куста три <там>, где новый сорт посажен.* **ПОД ЭГИ'ДОЙ какой.** # *Берёзкиной я под эгидой звонил, она и не догадалась, что мне от неё надо было <узнать>. А под эгидой вот какой: мол, не слыхала ты, что Саньку Золина обокрали? Под этой эгидой я потом потихоньку и узнал, сколько ей лет, какой юбилей у неё.*

Исследование фразеологии отдельных носителей языка имеет большое значение не только для характеристики идиолекта и идиостиля личности, но и для решения более общих задач, стоящих перед фразеологической наукой и фразеографией. Такие исследования позволяют расширить и углубить наши представления о свойствах самих фразеологических единиц как особых единиц языка, особенностях формирования и употребления фразеологии, функционировании фразеологического состава национального языка в целом и в отдельных сферах его использования, в том числе и в определенные исторические периоды и т. д. Результаты исследований такого рода могут быть использованы в лексикографической практике и в методических целях.

Литература

1. *Байрамова Л. К., Денисов П. Н.* Фразеологический словарь языка В. И. Ленина. – Казань: Издательство Казанского ун-та, 1991.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989. (Даль)
3. Словарь автобиографической трилогии М. Горького: В 6 вып. с приложением словаря имен собственных. – Л.: ЛГУ, 1974–1990.
4. Словарь языка А. Н. Островского: В 4 т. – Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012.
5. *Федоркина Е. А.* Фразеология в художественном дискурсе Е. И. Носова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2006.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. – Новосибирск: Наука, 1995 (ФСРЛЯ).
7. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей. – М.: Советская энциклопедия, 1967 (ФСРЯ).
8. *Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А.* Фразеологические единицы в лексиконе рядового носителя языка // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 1, Филология. 2011. С. 69–80.
9. *Цэрэндорж Ц.* Фразеология в текстах А. С. Пушкина (состав и употребление): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2005.
10. *Чжу Сяодун.* Фразеология в произведениях С. Т. Аксакова (состав и употребление): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2006.
11. *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011.
12. *Юровская М. В.* Фразеология в языке произведений А. Н. Радищева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987.